В. Г. ГУЗЕВ

СТАРООСМАНСКИЙ ЯЗЫК

ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ

Серия основана
проф. Г. П. Сердюченко

В. Г. ГУЗЕВ

СТАРООСМАНСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

4И
Г93

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. А. Дворянков, Н. А. Лисовская (ученый секретарь),
Ю. Я. Плам, Г. Д. Санжеев,
В. М. Солнцев (председатель)

В очерке дано первое в отечественной тюркологии описание языка тюркских письменных памятников Малой Азии XIII—XV вв. Этот язык, условно называемый «староосманским», является предшественником современного турецкого языка.

Г $\frac{70104\text{-}053}{013(02)\text{-}79}$ 226-79. 4602010000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г. П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

В настоящее время публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н. В. Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М. С. Тамильский язык.
Дворянков Н. А. Язык пушту.
Дмитриев Н. К. Турецкий язык.
Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули.
Зограф Г. А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит.
Катенина Т. Е. Язык хинди.
Мазур Ю. Н. Корейский язык.

Мячина Е. Н. Язык суахили.
Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык.
Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников.
Петруничева З. Н. Язык телугу.
Рубинчик Ю. А. Современный персидский язык.
Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык.
Смирнова М. А. Язык хауса.
Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебова И. И. Вьетнамский язык.
Теселкин А. С., Алиева Н. Ф. Индонезийский язык.
Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая.
Толстая Н. И. Язык панджаби.
Фельдман Н. И. Японский язык.
Фролова В. А. Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В. Д. Ассамский язык.
Горгониев Ю. А. Кхмерский язык.
Коростовцев М. А. Египетский язык.
Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Солнцев В. М. Китайский язык.
Курдоев К. К. Курдский язык.
Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф. Тайский язык.
Охотина Н. В. Язык зулу.
Рерих Ю. Н. Тибетский язык.
Сердюченко Г. П. Чжунский язык.
Теселкин А. С. Яванский язык.
Шарбатов Г. Ш. Современный арабский язык.
Яковлева И. П. Язык ганда (луганда).

1962 г.

Андронов М. С. Язык каннада.
Дымшиц З. М. Язык урду.
Соколов С. Н. Авестийский язык.

1963 г.

Аракин В. Д. Мальгашский язык.
Завадовский Ю. Н. Арабские диалекты Магриба.
Иванов В. В. Хеттский язык.
Катенина Т. Е. Язык маратхи.
Маун Маун Ньун, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М. Бирманский язык.
Насилов В. М. Древнеуйгурский язык.
Оранский И. М. Иранские языки.

Пашков Б. К. Маньчжурский язык.
Тенишев Э. Р. Саларский язык.
Теселкин А. С. Древнеяванский язык (кави).
Шифман И. Ш. Финикийский язык.
Яковлева В. К. Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т. В. Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В. В. Сингальский язык.
Еланская А. И. Коптский язык.
Карпушкин Б. М. Язык ория.
Липин А. А. Аккадский язык.
Меликишвили Г. А. Урартский язык.
Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык.
Токарская В. П. Язык малинке (мандиго).
Церетели К. Г. Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М. С. Дравидийские языки.
Аракин В. Д. Индонезийские языки.
Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык.
Дьяконов И. М. Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Язык пали.
Ефимов В. А. Язык афганских хазара (якаулангский диалект).
Королев Н. И. Язык непали.
Павленко А. П. Сунданский язык.
Савельева Л. В. Язык гуджарати.
Сегерт Ст. Угаритский язык.
Эдельман Д. И. Дардские языки.
Юань Цзя-хуа. Диалекты китайского языка.
Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г. М. Язык южноаравийской письменности.
Быкова Е. М. Бенгальский язык.
Егорова Р. П. Язык синдхи.
Крус М., Шкарбан Л. И. Тагальский язык.
Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык.
Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров.

1967 г.

Завадовский Ю. Н. Берберский язык.
Крупа В. Язык маори.
Старинин В. П. Эфиопский язык.

1968 г.

Кямилев С. Х. Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е. В. Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

Дунаевская И. М. Язык хеттских иероглифов.
Миронов С. А. Язык африкаанс.
Пахалина Т. Н. Памирские языки.

1970 г.

Климов Г. А., Эдельман Д. И. Язык бурушаски.
Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык.
Смирнов Ю. А. Язык ленди.

1971 г.

Андронов М. С. Язык брауи.
Захарьин Б. А., Эдельман Д. И. Язык кашмири.
Титов Е. Г. Современный амхарский язык.

1972 г.

Морев Л. Н., Москалев А. А., Плам Ю. Я. Лаосский язык.
Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык.

1973 г.

Аракин В. Д. Самоанский язык.
Крюков М. В. Язык иньских надписей.
Топорова И. Н. Язык лингала.

1974 г.

Вильскер Л. Х. Самаритянский язык.
Леонтьев А. А. Папуасские языки.
Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв.

1975 г.

Крупа В. Полинезийские языки.
Сирк Ю. Х. Бугийский язык.
Фихман Б. С. Язык игбо.

1977 г.

Лебедев В. В. Поздний среднеарабский язык (XIII—XVIII вв.).

1978 г.

Вертоградова В. В. Пракриты.
Морев Л. Н. Язык лы.
Москалев А. А. Язык дуаньских яо (язык ну).

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: 103045. Москва, ул. Жданова, 12/1, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. О происхождении тюрок Малой Азии (подробнее см. [1, 168—216; 9; 23, 46—83; 36, 5—52; 50, 19—98]).

Как полагают многие исследователи, тюркские этнические элементы эпизодически проникали в Малую Азию еще в IV—VII вв. Более значительные тюркские миграции в Анатолию из Средней Азии и с Балкан (иногда целыми племенами) отмечены в VIII—X вв.

Систематическое заселение Малой Азии тюрками началось во второй половине XI в., что явилось следствием военных и политических успехов объединения огузских племен, во главе которых стояли вожди из дома Сельджукидов. «Первоначальное ядро этой группировки сложилось из огузов и туркмен, населявших область Сыгнака и предгорья Каратау. В дальнейшем сельджукское объединение пополнилось в основном за счет огузских племен, живших по нижнему течению Сырдарьи» [1, 174—175]. Род Сельджукидов принадлежал к огузскому племени кынык.

Самые ранние исторические сведения об этом роде относятся к первой половине IX в. Возвышение его началось с отца Сельджука—Сарчыка, имевшего звание «тугаг», которое, по всей вероятности, давалось предводителям военных отрядов. Сарчык жил предположительно между второй третью IX и серединой X в. Сила и власть этого рода особенно возросли при Сельджуке, который умер в середине первой четверти XI в. и погребен в Дженде (нижнее течение Сырдарьи). История Сельджукидов на территории Средней Азии — это история многочисленных войн, миграций и неуклонного усиления их военной мощи за счет примыкавших к ним огузских, а также, хотя и в меньшей степени, кыпчакских племен.

В первой половине XI в. сельджукские войска вторгаются в Хорасан. Битва под стенами Денданакана (май 1040 г.), в которой они разгромили войска Масуда Газневи, открыла им путь для дальнейшего продвижения на запад и юго-запад: на Багдад, столицу Аббасидского халифата (был занят в 1055 г.), в Закавказье и византийскую Малую Азию.

Решающим событием в истории сельджукских завоеваний в Малой Азии была победа войск Алп Арслана над армией византийского императора Романа Диогена в битве при Манцикерте (август 1071 г.).

Основателем и первым султаном государства Сельджукидов Малой Азии, просуществовавшего до начала XIV в., считается Сулейман (погиб в 1086 г.), который завоевал бóльшую часть Анатолии. Сначала (с 1080 г.) столицей этого государства была Никея (Изник), затем (с 1116 г.)— Конья.

В Северо-Восточной Анатолии в 1067 г. возникло другое тюркское государство — во главе с династией Данышмендидов. Его столицей был город Сивас. Государство Данышмендидов прекратило свое существование в 1180 г.

Государство Сельджукидов Малой Азии (его другие названия: Румский или Конийский султанат), подорванное нашествием монголов и длившимся более шестидесяти лет монгольским владычеством, в конце XIII в. распалось на двенадцать княжеств (бейликов). Окончательно оно перестало существовать в 1307 г.

Один из упомянутых бейликов, основанный в Северо-Западной Анатолии ветвью огузского племени кайы, стал зародышем нового государства малоазийских тюрок — Османского государства, датой возникновения которого принято считать 1299 г. История этого государства в XIV—XV вв.— это история его непрерывного расширения путем завоевания все новых и новых территорий в Малой Азии и на Балканах. В 1453 г. султан Мехмед II овладел Константинополем и сделал его своей столицей. Во второй половине XV в. османы завершили завоевание Малой Азии и покорение Балканского полуострова.

Такова внешняя канва исторических событий, приведших к тюркизации Малой Азии.

§ 2. Этнический состав [23, 46—73, 83—159]. До появления сельджуков в Малой Азии сюда с Балкан проникали печенеги, узы (это искаженный этноним «огузы»), кыпчаки (половцы, или куманы). Эти тюркские народы приняли известное участие в тюркизации Малой Азии.

Основную массу тюрок, хлынувших в эту страну в XI в., составляли огузы. Наиболее многочисленными среди огузо-туркменских племен были: кынык, кайы, баюндур, баят, салгур, эймюр, джаулдур, джибни, язгыр и др. Эти племена преобладали среди тюрок в Малой Азии. С огузами и туркменами пришли другие тюркские племена, в частности карлуки. Некоторые этнические группы оказались в Анатолии в связи с монгольским нашествием. Одни бежали сюда, спасаясь от монголов, другие пришли с разноплеменным монгольским войском, третьи переселились уже в период монгольского владычества. Среди них были турк-

менские (например, кара-коюнлу), кыпчакские и монгольские племена.

Пришельцы с Балкан и из Средней Азии расселялись среди местных народов — греков, армян, грузин, курдов, арабов и др.

Таким образом, этнический состав населения Малой Азии в XI—XIII вв. был чрезвычайно разнородным.

§ 3. Языковая ситуация (подробнее см. [48; 50, 50—51, 82, 248—260, 347—348; 23, 74—83, 114—124]). В государстве Великих Сельджукидов литературным языком был персидский. На нем писались литературные сочинения, им пользовалась местная администрация. В некоторых отраслях науки, образования и в юриспруденции употреблялся арабский язык. Наука не располагает сведениями о роли языка огузов в жизни государства Великих Сельджукидов.

Первые известные науке проявления культурной жизни в Малой Азии после завоевания ее Сельджукидами — упоминания о первых мусульманских проповедниках и ученых, о первых мечетях, медресе — свидетельствуют о распространении ислама и мусульманской культуры на эту страну. Они относятся к XII в. Мусульманские богословы и правоведы писали по-арабски, поэты — по-персидски. Иранские богословы и поэты окружали уже султана Кылыч Арслана, его сыновей (один из которых носил персидское имя Кей-Хюсрев), а также мангуджакидского правителя Бахрамшаха (в Эрзинджане). Наибольшую роль в культурной жизни тюрок Малой Азии в XII—XIII вв. играл опять-таки персидский язык. Почти все султаны XIII в. носили персидские имена. Монгольское нашествие только усилило иранское влияние, вызвав дополнительный приток иранцев, бежавших в Малую Азию.

Таким образом, в XII и XIII вв. языками, обслуживавшими культурную жизнь тюрок Малой Азии, были в большей степени персидский и в меньшей — арабский язык.

По-тюркски говорили народные массы, и то преимущественно за пределами городов, население которых было разноплеменным. Горожанам, как и тюркской аристократии, все тюркское было чуждо. В эпоху Сельджукидов Рума слово «тюрк» было синонимом слова «мужик», «плебей».

Неизвестно точно, когда язык подвластных Сельджукидам огузов стал письменным и принесли ли они с собой в XI в. какую-либо письменную литературу. Образцы их фольклора были записаны позднее. Некоторые из этих образцов (например, огузский героический эпос «Сказание о Баттале Гази») дошли до нас.

Первый из известных пока науке опытов записи крупного произведения на языке малоазийских тюрок принадлежит Ибн Аля, автору первого, не сохранившегося варианта «Сказания о Мелике Данышменде» (см. стр. 89).

После монгольского нашествия в Малой Азии получает распространение религиозный мистицизм в форме суфизма, пропаганде которого посвящены в основном дошедшие до нас ранние анатолийские тюркоязычные литературные произведения (XIII в.): «Поэма о превратностях судьбы» Ахмеда Фатиха, тюркские вставки в стихах Руми, «Юсуф и Зулейха» Шеййада Хамзы, стихи Султана Веледа, «Книга советов» Юнуса Эмре. Светские тюркские стихи создавал Ходжа Дехани, придворный поэт султана Алаэддина III (1298—1301).

В XIV и XV вв. количество произведений на языке малоазийских тюрок резко возрастает. К ним относятся: «Калила и Димна», «Сухейль и Невбахар», «Книга Марзбана», «Диван» Ахмеда Бурханэддина Сивасского, «Сказание о Мелике Данышменде», перевод Корана и др.

§ 4. Староосманский язык доступен исследователям начиная с XIII в. Его верхним хронологическим пределом принято считать середину XV в. Таким образом, хронологические рамки этого языка — XIII—XV вв., т. е. период, когда Конийский султанат пришел в упадок и зародилось, укрепилось и территориально расширилось Османское государство. Географические границы его распространения постоянно менялись, но основной территорией в течение всего названного периода была Анатолия, включающая Малоазиатский полуостров, части Армянского нагорья, Сирийского плато, Верхней Месопотамии и составляющая ныне основную часть территории Турции. Все памятники староосманского языка происходят из этого региона.

Термин «староосманский» совершенно условный, ибо ранние памятники этого языка были созданы до того, как возникло Османское государство (1299 г.). В специальной литературе используется также другой, более точный термин — «староанатолийско-тюркский язык».

По генеалогической классификации тюркских языков Н. А. Баскакова, староосманский входит в огузо-сельджукскую подгруппу группы огузских языков. Как видно из исторического очерка (см. § 1), староосманский язык должен рассматриваться как совокупность языков или диалектов той части огузских племен, которая входила в сельджукское объединение и обосновалась в Малой Азии. Языки (диалекты?) тех племен из этого объединения, которые осели в Средней Азии и в Азербайджане (их язык, по-видимому, представлен самыми ранними туркменскими и азербайджанскими письменными памятниками), послужили базой для формирования туркменского и азербайджанского языков, которые также входят в огузскую группу языков.

Исследователи истории турецкого языка рассматривают староосманский в качестве языка, составляющего первый этап в развитии языка тюрок Анатолии. Второй этап представлен османским языком (XVI—XIX вв.), третий — современным турецким. Таким образом, староосманский язык считается самым ранним предшественником, прямым предком турецкого языка в пределах его распространения.

§ 5. Вопрос о диалектном составе староосманского языка должным образом не разработан. Наиболее отчетливо памятники свидетельствуют о том, что были две диалектные зоны — западная и восточная. Западная зона включала города: Конью (там жили Ахмед Факих, Шейхад Хамза, Руми, Султан Велед), Кыршехир, Сиврихисар, Болу (предположительно в районе одного из двух последних городов жил Юнус Эмре), Кютахью, входившую в бейлик Гермиян (здесь была создана «Книга Марзбана»), Айдын (в бейлике Айдын были написаны «Калила и Димна» и предположительно «Сухейль и Невбахар»), а также Северную Анатолию (современные вилайеты: Кастамону, Чанкыры, Синоп), где был сделан упомянутый выше перевод Корана. В восточную зону входили города: Эрзурум, Кайсери, Эрзинджан, Сивас (с тремя последними связывается жизнь Ахмеда Бурханэддина Сивасского). Язык памятников, созданных в восточной части Анатолии, обнаруживает черты, сближающие его с современным азербайджанским языком [см. 48, 422], а также с тюркскими языками Средней Азии (см. материал из «Дивана» Бурханэддина в разделе «Морфология»).

§ 6. На староосманский язык, несомненно, распространяется обоснованное Ю. Неметом положение, по которому арабо-персидские элементы в османском языке образуют резко обособленный слой, функционирующий на всех уровнях по особым правилам, не так, как тюркские слова, и обращение с ними со стороны носителей имеет общие черты с пользованием иностранным языком, что позволяет говорить о наличии в османском «двойной языковой системы» [64]. Изложенная точка зрения подтверждается исследовательской практикой. В настоящей работе основное внимание уделяется собственно тюркским явлениям каждого языкового уровня.

§ 7. Письменность [см. 13], которой пользовались создатели произведений на староосманском языке, по своему происхождению является арабо-персидской. Малоазийские тюрки приспособили арабскую и персидскую письменность (последняя — тоже арабская, но отличается некоторыми модификациями) так, что она стала пригодной для того, чтобы писать по-староосмански.

Малоазийские памятники XIII—XV вв. отражают ранний этап формирования анатолийско-тюркской письменности, когда писать в значительной степени еще означало транскрибировать тюркскую речь средствами арабской и персидской письменности. Об этом свидетельствуют отсутствие во многих из памятников единообразия в передаче одних и тех же фонем, слов и показателей, а также более полное использование средств заимствованных письменностей (например, знаков огласовки) в сравнении с более поздними памятниками.

Анатолийско-тюркская письменность прошла типичный стихийный путь развития. В ранний период она более точно отражала звуковую сторону языка, нежели в османский период (XVI—XIX вв.), когда написание слов и формантов нормализовалось, закрепилось традицией, колебания уступили место единообразию.

Сказанное верно в отношении тюркских слов и формантов. Арабские и персидские элементы, если не иметь в виду ошибок авторов или переписчиков, всегда сохраняли свое исконное написание.

ФОНОЛОГИЯ[1]

СОГЛАСНЫЕ

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 8. Первый этап фонологической интерпретации арабографичных текстов представляет собой попытку установить приблизительный состав фонем.

Согласные /f/[2], /j/, /l/, /m/, /n/, /r/, /š/, /v/, /z/, /ž/ (ʔ—см. § 22) передаются на письме единообразно, каждая всегда одним и тем же знаком. Они выявляются путем сопоставления звукового содержания знаков арабо-персидского алфавита с фонетическими характеристиками соответствующих фонем в родственных тюркских языках.

Согласные /b/, /č/, /d/, /g/, /ğ/, /h/, /k/, /ŋ/, /p/, /s/, /t/, /x/ (ʔ—см. § 23) передаются неединообразно, разными способами. Они выявляются не только посредством названного сопоставления, но также путем анализа функциональных особенностей и соотнесенности между собой знаков, служащих для их передачи.

ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОГЛАСНЫХ

§ 9. Реальным пределом познания фонем языка посредством фонологической интерпретации письменных памятников следует признать фонологическое содержание, т. е. совокупность различительных признаков каждой фонемы. Их чисто фонетические, антропофонические свойства исследователю текстов недоступны. Именно поэтому в настоящей работе представление о фонеме отождествляется с ее фонологическим содержанием.

Установление фонологического содержания фонемы достигается путем выяснения ее парадигматических отношений, т. е. того, каким другим фонемам она противопоставлена. В наибольшей степени выявлению отношений между фонемами способствует обнаружение одномерных, привативных и пропорциональных оппозиций. Участие в оппозиции предполагает не только наличие у фонем признаков, которыми они отличаются друг от друга, но также родство между ними, т. е. наличие у них общих различительных признаков (основания для сравнения). Парадигматические отношения между фонемами находятся в полном соответствии с их синтагматическими особенностями [44, 73—99].

Исследовательская практика показывает, что свидетельством родства фонем можно считать явления:

1) графические (одним графическим средством передаются, как правило, родственные фонемы; в колебаниях при передаче одной и той же фонемы участвуют знаки, специализирующиеся на передаче родственных фонем);

2) функционально-синтагматические, т. е. различные комбинаторные и позиционные явления, имеющие место как в синхронии, так и в диахронии. Здесь принимаются следующие положения: 1) если /a/>/b/, то эти фонемы родственны при условии, что между ними не было промежуточных ступеней, нарушивших родство; 2) если /a/ уподобляется /b/ по признаку «с», последний фонологически существен для /b/ [42, 15; 30, 245—246]; 3) любая ассимиляция порождает родство между фонемами; 4) родственные фонемы проявляют бóльшую склонность к ассимиляции, чем неродственные.

Все предполагаемые процессы аллофонического уровня используются в настоящей работе в качестве одного из средств уяснения парадигматических и синтагматических свойств фонем.

§ 10. Графические колебания ب~پ, ج~چ, غ~ق, د~ط, ط~ت — свидетельство родства каждой пары фонем: /b/ и /p/, /ğ/ и /č/, /g/ и /k/, /d/ и /t/.

§ 11. Нейтрализация противоположений /b/—/p/, /ğ/—/č/ в ауслауте (см. § 40) позволяет считать, что они одномерны, привативны и к тому же пропорциональны. Признаком, отличающим один член оппозиции от другого, могло быть участие (или неучастие) голоса (см. § 12).

§ 12. Отражаемое письменностью озвончение конечных /t/ и /k/ (/t/>/d/, /k/>/g/) во многих словах при наращении аффиксов с начальным гласным (см. § 43) свидетельствует, что члены оппозиций /d/—/t/, /g/—/k/ отличались друг от друга по признаку участия (или неучастия) голоса и что отношения между ними такие же, как между /b/ и /p/, /ğ/ и /č/.

---

[1] Подробнее см. [13; 15; 16; 18].

[2] Применяемый в настоящей работе набор знаков для фонематической транскрипции тюркских и для транслитерации арабо-персидских слов и формантов лишь незначительно отличается от набора знаков, которые использованы в работе А. Зайончковского [74, XXIII—XXVI].

§ 13. Естественно ожидать, что каждое из названных выше противоположений характеризуется одним типом преграды, и тогда можно наметить три локальных ряда:

губной	/b/	/p/
переднеязычный	/d/	/t/
заднеязычный	/g/	/k/

§ 14. Факты свидетельствуют о принадлежности к этим рядам соответственно /m/, /n/ и /ŋ/.

Графическим подтверждением родства /g/ и /k/ с фонемой /ŋ/ является то, что все они могут передаваться ک (наряду с другими способами). Колебания: *jalŋuz~jalguz*[3] 'одинокий' [59, 166], *agyr-* (М, 66)~*aŋyr-* (М, 246) 'кричать'— свидетельство (по меньшей мере графическое) родства /g/ и /ŋ/.

О том, что /n/ принадлежит к ряду переднеязычных, свидетельствует частичная ассимиляция согласной /d/ фонемы /m/ в словах: *šindi*, *indi* [57, 43] <*šimdi*, *imdi* 'сейчас'. В памятниках встречаются все четыре названные формы.

Назализацию начальной /b/ в таких словах, как *män*<*bän* 'я', *maŋa*<*baŋa* 'мне', *miŋ*<*biŋ* 'тысяча', *munča*<*bunğa* 'столько', *mundag*<*bundag* 'подобный этому' [59, 167], можно рассматривать в качестве свидетельства родства /m/ и /b/.

В пользу сближения /n/ и /ŋ/ говорят такие факты, как использование, хотя и редкое, ڹ для передачи /ŋ/ наряду с другими средствами, передающими эту фонему,— ک, ڭ, дограф ꞑ [60, 65—66; 67, 27], колебания ڹ~ڭ при передаче конечной фонемы в слове *kaplan* (КД, 51,52) 'тигр'.

Итак, получаем схему:

p	b	m
t	d	n
k	g	ŋ

§ 15. Слова *var-* 'идти', *ver-* 'давать', *veribi-* 'посылать' могут иметь в анлауте фонемы /v/, /b/ [59, 165].

Известно также, что фонема /v/ в личных аффиксах *-vän* (1-е л. ед. ч.), *-vuz*[4] (1-е л. мн. ч.), восходящих соответственно к личным местоимениям *bän* 'я' и *biz* 'мы', возникла в результате перехода /b/>/v/.

Этот же переход, который, очевидно, следует рассматривать как спирантизацию /b/, мы имеем в словах: *karavaš* 'рабыня' [ср. 22, 423], *därvänd* (<перс. *darband*) 'проход, ущелье' [59, 166].

Лабиализация узкого гласного аффикса *-vuz* (<*biz*), а также неустойчивость фонемы /v/ в слове *vur-~ur-* 'бить, ударять' [59, 166; 57, 29], т. е. перед губным гласным, позволяют говорить, что огубленность — один из различительных признаков /v/.

Эти факты, свидетельствующие о родстве фонем /b/ и /v/, позволяют поставить /v/ в один ряд с остальными губными согласными.

§ 16. Поскольку /f/ встречается крайне редко, материал, проливающий свет на генетическую или функциональную близость этой фонемы к другим фонемам, скуден.

В слове *güläf* 'роза' (СВ, I, 17; II, 37; XXVIII, 5) (<перс. *gulāb* 'розовая вода') имеем /b/>/f/ [ср. 47, 66].

Слова *uvak~uvax* 'маленький, мелкий', *uvat-* 'размельчать, дробить' имеют в староанатолийском /v/. Считается, что современные турецкие *ufak*, *ufat-* возникли в результате оглушения /v/ [47, 66; 57, 40], т. е /v/>/f/. К тому же слово *üfür-* (СМД, 233б) 'дуть' употребляется и в современном турецком языке.

Все это позволяет считать, что /f/ — глухой коррелят звонкой фонемы /v/, и, следовательно, ее можно включить в губной ряд.

§ 17. Переход /z/>/s/ в ауслауте в отрицательной форме времени (причастия) на *-ur* (*-maz*>*-mas*) М. Мансуроглу рассматривает как оглушение /z/ [59, 167]. В диахроническом плане этот переход Т. Бангуоглу видит в слове *göğüz* 'грудь' (СН), соответствующем современному турецкому *göğüs* [47, 62].

В инлауте в СВ (II, 138) и в СН: *göksi* (<*gögüz*) и предположительно *biräščük* (<*biräzčük*), *tesčägin* (<*tezčägin*) [47, 73—74].

Т. Бангуоглу отметил, что /s/ «озвончается неохотно» и что в анлауте аффиксов она остается всегда глухой и ассимилирует (в данном случае оглушает) звонкий ауслаут основы [47, 53, 71]. Иногда это оглушение отражается на письме; например, в СН: *görämässän* (<*görämäzsän*) 'если ты не сможешь увидеть'; *bulamassan* (<*bulamazsan*) 'если

[3] Употребительные слова в словарной форме и основы приводятся, как правило, без адресов. Примеры, представляющие собой словоформы, словосочетания, предложения, редкие слова, фонетические или графические варианты слов снабжаются адресами.

[4] Здесь и далее приводится только один, заднерядный вариант (с начальным звонким) любого аффикса, подчинявшегося действию небной гармонии гласных. Аффиксы, на которые предположительно действие гласной гармонии не распространялось, имели гласные переднего ряда. Поскольку в староосманском языке не получила развития губная гармония гласных (см. § 58), специально не оговариваются встречающиеся спорадически варианты аффиксов, в которых имела место ассимиляция гласных по признаку огубленности—неогубленности.

ты не сможешь найти' [47, 71]; в КД: *birikdürmässävüz*<*birikdürmäzsävüz* (КД, 41) 'если мы не объединим'.

Изложенный материал позволяет считать, что фонемы /z/ и /s/ составляют коррелятивную пару, в которой /z/ относится к /s/ как звонкая к глухой.

§ 18. Сам «контекст фонологической системы» [44, 67] подсказывает, что место этой пары в ряду /d/—/t/—/n/, в котором она соответствует паре /v/—/f/ губного ряда.

Некоторым объективным подтверждением принадлежности /z/ и /s/ к этому локальному ряду может служить предполагаемое М. Мансуроглу происхождение староосманских слов: *issi* 'обладатель' <*idi*+*si*, *jassy* 'плоский'<*jatsu* [59, 166—167], что можно трактовать как ассимиляцию по модальным признакам на базе единого (с фонологической точки зрения) места артикуляции.

§ 19. Ряд фактов говорит в пользу сближения фонемы /š/ с фонемами /s/ и/ č/.

В староосманском слове *šäš-* 'развязывать, распутывать' начальная /š/, возможно, восходит к /č/ (см. § 31). В ауслауте аффикса *-ynč* и некоторых многосложных слов /č/, по мнению Т. Бангуоглу, восходит к /š/ [47, 63, 109].

В памятниках нередко встречаются слова, в написаниях которых вместо обычного چ, передающего /č/, находим букву ش, например в словах *kačduguŋuz* (СМД, 97а) от *kačmak* 'убегать', *učdy* (Р, 11а) 'улетел', *ičün* 'для', *ničün* 'почему' [59, 167] и др. Исследователи видят за этими написаниями переход /č/>/š/ «по соседству с согласными /d/ и /l/» [59, 167], а также перед /t/ [47, 68].

Персидское слово *šaġāl* в «Marzubānnāmä» (например, л. 2а) встречается как в персидском написании, так и с چ вместо ش. Это дает З. Клейнмихель основание считать, что здесь мы имеем переход /š/>/č/ как проявление фонетической адаптации заимствованного слова [57, 28].

«Контекст» уже намеченных выше локальных рядов: /p/—/b/—/v/—/f/—/m/ и /t/—/d/—/z/—/s/—/n/, в которых шумные фонемы противостоят друг другу как глухие и звонкие, смычные и щелевые, позволяет считать, что фонемы /ǧ/, /č/ (звонкий, глухой) и /š/ образуют самостоятельный ряд, в котором /č/ и /š/ в свете изложенных в настоящем параграфе фактов составляют коррелятивную пару, относясь друг к другу как глухая смычная (/č/) к глухой щелевой (/š/).

§ 20. Такая трактовка фонемы /š/ подкрепляется в памятниках написаниями, которые свидетельствуют об ассимиляции /šs/>/ss/ на стыке глагольного аффикса *-myš* и показателя условной модальности *-sa*: *jogymyssa* (Р, 14б)<*jok* 'нет, не имеется'+(*i*)*miš*+*sa* (*ss* переданы س с тешдидом).

Подобные примеры имеем и в других памятниках [47, 71; 57, 43, 404].

Переход /šs/>/ss/ позволяет предполагать, что /š/ и /s/ близки по фонологическому содержанию и различаются только по месту образования и, следовательно, /s/ входит в «серию» [30, 97] глухих спирантов.

§ 21. Намеченные четыре локальных ряда представляется целесообразным именовать исходя из самых общих локальных признаков, поскольку наше представление об их артикуляции может быть также лишь самым общим. Итак, подводя итог изложенному в предыдущих параграфах, отношения между согласными, о которых шла речь, можно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Модальные признаки / Локальные ряды	Ртовые				Носовые
	Смычные		Щелевые		
	глухие	звонкие	звонкие	глухие	
Губные	p	b	v	f	m
Переднеязычные	t	d	z	s	n
Среднеязычные	č	ǧ	—	š	—
Заднеязычные	k	g	—	—	ŋ

§ 22. Место среднеязычного звонкого спиранта могла занимать /ž/, если допустить, что такая фонема была в староосманском языке. Это допущение основывается на звуковом содержании персидского знака ĵ, использованного в двух написаниях слова *gyžgur-/kyžgur-* (СМД, 186а, 216а) 'ржать'. Фактом, свидетельствующим в пользу такой трактовки, можно считать переход /ž/>/š/ в слове: *muštuğy* (Р, 8а) от перс. *mužda* 'добрая весть' [ср. 47, 73].

Необходимо иметь в виду также факты, делающие возможными иные решения.

Т. Бангуоглу отметил, что /ž/ в «османском языке» неизвестно и встречается только в иностранных заимствованиях [47, 62].

Мы пока располагаем крайне скудным материалом о /ž/, и можно допустить, что буква ĵ в упомянутых написаниях отражает один из комбинаторных вариантов фонем /č/ [ср. 5, т. II, 40] или /ǧ/.

Если предположить, что в составе фонем староосманского языка /ž/ не было, то переход /ž/>/š/ в персидском *mužda* может быть истолкован как проявление фонетической адаптации заимствованного слова.

§ 23. Написания, в которых вместо обычного ق использован знак ڧ, истолковываются как отражение на письме спирантизации /k/ (см., например, [47, 57]; ср. также [45, 98]). Особенно часто эта спирантизация наблюдается в словах *daxy* 'и, также', *joxsul* 'бедный', *joxsa* 'или', *ujxu* 'сон' и др. (см. также § 36).

Материал памятников не дает основания считать, что [k] и [x] были фонологически противопоставлены. Допустимо, что буква ڧ отражала факультативные и комбинаторные варианты /k/, причем комбинаторные варианты могли появляться в различных синтагматических условиях (например, интервокальная позиция, соседство с /s/, /t/ [ср. 45, 102, 105], /š/ и т. д.).

Такая трактовка хорошо согласуется со сведениями о спирантизации /k/ в других тюркских языках [45, 98—99].

Необходимо подчеркнуть, что если [x] — вариант /k/, то для этой последней смычность/щелинность следует считать фонологически несущественными признаками, ибо в системе фонем (см. табл. 1, § 21) отсутствует глухой заднеязычный спирант. Спирантизация /k/ — пример зависимости фонетической реализации фонемы от ее фонологического содержания.

§ 24. Признаки, определяемые типом преграды, не были, по всей видимости, фонологически существенными для другой заднеязычной фонемы — /g/. С этим связано известное в истории турецкого языка явление спирантизации этого согласного в интер- и поствокальной позициях.

Есть факты, позволяющие допускать, что спирантизация /g/ в некоторой степени имела место в староосманском языке. В СН зафиксированы: *döj-* 'бить'<*dög-* и *göj* 'небо'<*gök* [47, 59; 59, 166].

§ 25. У нас нет оснований утверждать, что согласные /r/, /l/, /j/ и /h/ участвовали в оппозициях, характерных для рассмотренных выше фонем (см. табл. 1, § 21).

Однако следует иметь в виду, что есть генетические признаки близости фонем /r/ и /z/, обнаруживаемые в так называемых следах ротацизма [см. 45, 87]: *göz* 'глаз', *gör-* 'видеть', *sor-* 'спрашивать', *söz* 'слово'. Последняя пара слов сопоставляется со словом *söjlä-* 'говорить', что позволяет допускать генетическое родство /r/ и /z/ с /j/. К этим примерам следует добавить соответствие /r/~/z/ в положительных и отрицательных основах времени (или причастия) на *-ur* в староосманском языке (см. § 124, 142) и /r/~/z/~/j/ в тех же формах современного турецкого языка [27, 227].

Материал дает право утверждать также о связи /j/ с другими фонемами. Выше уже упоминался переход /g/>/j/ как проявление спирантизации /g/ (см. § 24). В памятниках наблюдается чередование /j/~/g/ в словах *jinä*, *ginä* 'опять' [59, 166]. В таких современных турецких словах, как *döv-* 'бить', *söv-* 'ругать' и др., /v/ развилось, по всей вероятности, в результате перехода [g]>[j]>[v], который представляет собой развитие упомянутого выше процесса спирантизации /g/ под влиянием губных гласных [15, 195]. Возможно, что о родстве /j/ и /v/ свидетельствует также соответствие староосманскому *güjägü* (М, 17б) 'зять' современного *güvey*, *güveyi*. Староосманское *öjkä* 'гнев' [66, т. V, 3139—3141] (ср. совр. тур. *öfke*) сопоставимо с древнетюркскими: *öbkälä-* 'сердиться', *öfkä*, *öpkä*, *övkä* [22, 375—376, 378, 388, 394].

Возможность сближения /l/ и /n/ открывается переходом /n/>/l/ в слове *lülüfär* (СН) 'лилия'<перс. *nīlūfar* [47, 75; 59, 167], а также случаем диссимиляции *ll*>*nl*: *bänlü* (СВ) 'ясно' [59, 167]. А. М. Щербак среди следов ламбдаизма в тюркских языках называет соответствие /l/~/š/ в азербайджанских словах: *dälik*~*däšik* 'отверстие' [45, 87]. Этот пример, в равной степени действительный для современного турецкого языка, по-видимому, имеет силу и в отношении староосманского, где мы имеем: *dälük* 'отверстие' и *däš-* (СН) 'раскалывать, пронзать' [66, т. II, 1067, 1122].

Согласная /h/ в СМД передается буквой ه в написаниях междометий *haj* 'эй', *hajhuj* (подражание крику, шуму), в наречии *hälä* 'в особенности' и буквой ح в глаголе *hajkyr-* 'кричать', восходящему к междометию *haj* [5, т. II, 311].

В СН и М согласная /h/, насколько можно судить по транскрипциям исследователей, передается буквой ه в словах: *ha*, *haj* (*häj*), *hälä*, *hop* (наречие), *häb* 'все', *häfğä*, *häjäğğä* 'сокол' [47, 50; 57, 27].

Участие названных букв в графической реализации /h/ позволяет считать, что эта фонема — единственный представитель фарингальных [ср. 45, 81].

В современных турецких словах *hangi* 'который, какой?' и *haчi* 'где?' /h/ соответствует староосманскому /k/ : *kangy*, *kany* и др. По мнению Т. Бангуоглу, /k/ перешла в /h/ через [x] [47, 50].

Таким образом, у согласных /r/, /l/, /j/ и /h/ так или иначе обнаруживается связь с фонемами, участвующими в оппозициях по месту образования, по резонансным признакам (носовые, ртовые) и по модальным признакам.

ПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСНЫХ

§ 26. По словам Н. С. Трубецкого, «помимо общей системы фонем... имеются еще частные системы, которые действительны только для определенных положений и кото-

рые содержат только часть фонологических средств, представленных в общей системе фонем...» [44, 256].

Анлаут

§ 27. В позиции анлаута не зарегистрированы /f/, /z/, /r/, /l/ [47, 47—55; 57, 17—29], что находится в полном соответствии со сведениями о консонантизме анлаута в тюркских языках [63, 81—82; 45, 82, 98].

§ 28. /m/ встречается очень редко в словах, которые обычно имеют в этой позиции /b/, и не является в них исконной (см. § 14). В более поздние века такие варианты перестали употребляться в языке тюрок Малой Азии, их полностью вытеснили варианты с /b/.

§ 29. /n/ — только в вопросительном местоимении *nä* 'что?' и его производных [63, 81].

§ 30. /v/ используется в некоторых словах: *var* 'есть', *var-* 'идти', *ver-* 'давать' (ср. § 15)— и исторически не является исконной, восходит к /b/ [47, 50; 45, 98]. Протетическая /v/ отмечена в упомянутом выше примере: *ur-~vur-* 'бить' (см. § 15).

§ 31. Начальная /š/ в тюркских языках не является исконным звуком [47, 51; 63, 82; 45, 79]. В слове *šäš-* 'развязывать, распутывать' /š/ в анлауте возводится или к /č/, или к /s/, перешедшим в /š/ в результате дистактной ассимиляции [47, 51; 57, 28, 399].

В указательных местоимениях *šu*, *šol* 'тот', *šöjlä* 'так', в наречии *šimdi*, *šindi* 'сейчас' /š/ восходит к частице *iš/oš* [51, 719—720].

§ 32. В анлауте встречаются как звонкие, так и глухие смычные [47, 47].

Среди губных резко преобладает звонкая /b/. Фонема /p/ встречается крайне редко, например: *pärkit-* 'укрепить, подкрепить' наряду с *bärkit-*, ср. еще *bärk* 'крепко' и др. [74, 138]. Подобные колебания, проявляющиеся в написаниях некоторых слов, побудили Т. Бангуоглу говорить о тенденции губных к оглушению [47, 50]. А. М. Щербак, однако, считает, что /p/ в общетюркском масштабе подверглась ослаблению и что она в тюркских словах встречается как исключение [45, 93—94]. Колебание /b/~/p/ в анлауте он рассматривает как особенность отдельных диалектов многих тюркских языков.

§ 33. Поведение переднеязычных в анлауте можно выяснить лишь при условии решения вопроса о том, каково было звуковое содержание знака ﻁ, который встречается только в написаниях слов с заднерядными гласными. Некоторые турецкие авторы (Т. Бангуоглу, М. Мансуроглу) чи-

тают этот знак всегда как /t/ [47, 48—49; 61, 257]. При таком подходе оказывается, что в анлауте заднерядных слов мы имеем многочисленные колебания /d/~/t/, ибо на письме часты колебания د~ﻁ. Представляется, что этот знак передавал как /d/, так и /t/, и этим можно объяснить то, что он чередовался как с буквой د, так и ت, причем за колебаниями د~ﻁ следует ожидать /d/, за колебаниями ت~ﻁ— /t/.

Выяснение указанным способом, каким был анлаут в каждом отдельном слове,— процесс трудоемкий. Но, исходя из того что колебания د~ﻁ встречаются заметно чаще, чем ت~ﻁ, можно заключить, что в заднерядных словах преобладало звонкое начало: *dag* 'гора', *daš* 'камень', *datlu* 'сладкий', *dut-* 'держать', *dur-* 'стоять' и аффикс *-dur* и др., но *tyg* 'меч', *toz* 'пыль' [57, 18—22; 16, 40—41].

В словах с переднерядными гласными также преобладало звонкое начало: *de-* 'говорить', *deg-* 'достигать', *dilkü* 'лиса', *dürlü* 'различный' и др., но *türk* 'турок', *tü*, *tüs* 'пух' [57, 22—25].

А. М. Щербак считает, что в языках огузской группы происходило ослабление анлаутного [t] и слабый согласный был конечным результатом этого процесса [45, 90].

§ 34. Среднеязычные /ğ/ и /č/ представляют в анлауте противоположную картину: как и в современном турецком языке, здесь резко преобладает глухое начало, а /ğ/ встречается крайне редко, например: *ğyda* 'копье', *ğabala-* 'отдать даром, подарить' [47, 51; 57, 26—27]; ср. также [63, 81].

§ 35. /k/ и /g/ в анлауте заднерядных слов передаются на письме разными буквами (ق и غ) и поэтому различаются легко. Материал показывает, что преобладало глухое начало [47, 49—50; 57, 25].

В большинстве памятников заднеязычные смычные в словах с гласными переднего ряда передаются одним знаком — ک. Встречается обозначение согласной /g/ буквой ک с тремя точками — в Р и КД, например. Благодаря этому графическому приему удается установать, что в анлауте переднерядных слов преобладала /g/: *gör-* 'смотреть', *gerü* 'назад', *gändü* 'собственный, сам', *gäj* 'хороший'.

Итак, заднеязычные согласные вели себя в анлауте, в общем, так же, как в современном турецком языке: в заднерядных словах преобладало глухое начало, в переднерядных — звонкое.

§ 36. В анлауте зарегистрирован спирантизованный вариант согласной /k/—[x]: *xamy* 'все', *xoxulan-* 'пахнуть' [59, 166; 57, 27].

О предполагаемом переходе староосманской /k/ в современную /h/ через [x] в анлауте см. [47, 50].

§ 37. Согласная /j/ в анлауте встречается часто (см., например, [74, 128—134]; ср. также [45, 79—80].

Исследователи отмечают падение начальной /j/ [59, 166; 57, 29]; *ylan* 'змея', *ylduz* 'звезда'; появление протетической /j/: *jit-* 'толкать', *jeyän* 'очень, крайне' и др. [59, 166].

§ 38. Согласная /h/ встречается только в анлауте (примеры см. в § 25). Протетическая /h/: *häškärä* 'очевидно' (<перс. *äškārā*); *hälbät* 'конечно' (<ар. *albatta* [59, 166]).

§ 39. Таким образом, в анлауте не использовалось противоположение губных по резонансным признакам (ввиду колебаний *bän~män*, *biŋ~miŋ*, *bun-~mun-* и т. д.), совершенно отсутствовала оппозиция щелевых по признакам глухость/звонкость (сила/слабость?), вероятно, минимальным было и противопоставление по этим признакам смычных: /p/ и /b/ ведут себя как нейтрализованные, близки к этому состоянию /č/ и /ǧ/, минимальным могло быть противоположение /t/ и /d/. С наибольшей уверенностью можно, по-видимому, говорить о противоположении /k/ и /g/, хотя резкая разница в поведении этих фонем в переднерядных и заднерядных слóвах, возможно, отражает аллофоническое варьирование одной заднеязычной фонемы на каком-то более раннем этапе развития языка.

Сказанное приводит к выводу, что анлаут в староосманском языке был позицией минимального фонеморазличения согласных.

Ауслаут

§ 40. Абсолютный исход как односложных, так и многосложных слов был, по-видимому, позицией минимального фонеморазличения согласных /b/ и /p/, /č/ и /ǧ/, /d/ и /t/. Об этом свидетельствуют графические колебания ب~پ, چ~ج, а также د~ت~ط.

Колебания ب~پ наблюдаются в написаниях деепричастного аффикса *-(j)up* и отдельных слов в СН, М, СМД, например: *ip* 'веревка', *jap* 'делай!', *sarp* 'крутой, обрывистый' [см. 47, 64; 57, 30].

Колебания چ~ج встречаются в написаниях слов в СН и СМД: *üč* 'три', *kylyč* 'меч', *agač* 'дерево' [см. 47, 63; 16, 39—40].

Колебания د~ت~ط отмечены в слове *bulut* (СМД) 'облако' [см. 16, 40], колебания د~ت — в словах *süt* (М) 'молоко' и *jurt* (М) 'страна, родина' [см. 57, 34, 35].

§ 41. В написаниях некоторых односложных слов наблюдается устойчивое единообразие в употреблении знаков د и ت. Всегда с د пишутся слова: *ad* 'имя', *od* 'огонь', *jad* 'чужой'. Слова *at* 'лошадь', *ot* 'трава', *ät* 'мясо', *it* 'собака' пишутся с ت [46, 59—60; 57, 33].

По мнению Т. Бангуоглу, это единообразие вызывалось стремлением избегать смешения «омонимов». Он также считает, что с د пишутся те из этих слов, конечный согласный которых озвончается, оказываясь в интервокальной позиции [47, 59—60; ср. 41, 67], ср. также § 43. Допустимо, что и в названных словах происходила нейтрализация конечных /t/ и /d/, а единообразие в написаниях было обусловлено причинами графического и фонетического порядка, о которых писал Т. Бангуоглу.

§ 42. Написания заднерядных слов, в которых /k/ и /g/ передавались разными буквами (соответственно ق и غ), свидетельствуют о том, что эти фонемы в ауслауте односложных слов четко различались: *čok* 'много', *jok* 'нет', *ak-* 'течь', но *dag* 'гора', *syg-* 'входить, умещаться', *jag-* 'идти (о дожде)'.

Вероятно, они различались и в переднерядных односложных словах. Письмо нередко скрывает это различие, так как обе фонемы могли передаваться одним знаком (ک).

В односложных словах после согласных в ауслауте всегда выступает /k/: *kyrk* 'сорок', *türk* 'тюрок, тюркский',

В многосложных словах в ауслауте имеется только /k/: *doprak* 'земля', *yrmak* 'река', *artuk* 'больше', *ajruk* 'кроме'.

Ауслаут после согласных и ауслаут многосложных слов можно трактовать как позицию нейтрализации /k/ и /g/.

§ 43. Письменность передает озвончение конечных /t/ и /k/ в некоторых односложных и многосложных словах перед гласными аффиксов или последующих слов [см. 74, 158, § 4; 47, 56, 60; 57, 33, 35], например: *gidisärsin* (СМД, 227а) <*git-* 'идти', *juda* (Р, 15а)<*jut-* 'глотать', *ögüdüm* (СМД, 217б)<*ögüt* 'совет'. В словах *at*, *ot*, *ät*, *it* (см. § 41) конечная фонема не озвончалась. Во многих односложных словах происходило озвончение конечной /k/: *ag etdi* (СМД, 59б) 'сделал белой' (<*ak*), *jog idi* (СМД, 222б; КД, 2) 'не было' (<*jok*), но *oky* (СМД, 218б) 'стрелу' (<*ok*). Оно не имело места в глагольных основах типа *ak-* 'течь' [см. 57, 36]. В многосложных словах: *yraga düšäsin* (Р, 11а) 'окажешься далеко' (<*yrak*), *učmaga* (Р, 3б) 'в рай' (<*učmak*), *doprag u jelā* (Р, 1б) 'земле и ветру' (<*doprak*).

Озвончение конечных /p/ и /č/ в большой степени скрыто графикой, так как на письме эти согласные в ауслауте

чаще передаются знаками پ и چ. Однако об озвончении конечных /p/ и /č/ свидетельствует практическое отсутствие колебаний پ~پ، چ~چ когда эти знаки передают фонемы в позиции перед гласными аффиксов или последующих слов: *dibi* (<*dip* 'дно', 'основание'), *kaluban* (деепричастие от *kal-* 'оставаться'), но *ipüŋ* (<*ip* 'веревка'), *agaǧ* (<*agač* 'дерево' [47, 64; 57, 30, 39]), *kylyǧa* (СМД, 185б) 'по мечу' (<*kylyč*), *suǧy* (Р, 32б), *suǧuŋ* (Р, 32б) (<*suč* 'вина').

Озвончение конечных смычных в односложных словах связывается с так называемой первичной долготой корневой гласной. Впервые эта связь была установлена В. Грёнбеком [см. 45, 54, 102].

Ауслаут многосложного слова в плане его воздействия на комбинаторную способность шумных согласных озвончаться идентичен исходу слова с первичным долгим гласным [см. 45, 101].

§ 44. Согласные /s/ и /z/ в ауслауте односложных слов не подвергались нейтрализации: *toz* 'пыль', но *us* 'разум'; *kyz-* 'сердиться', но *käs-* 'резать' [47, 61].

В многосложных словах, как и в исходе аффиксов, преобладала /z/: *bäŋiz* 'лицо', *agyz* 'рот' и т. д., но *ulus* 'народ' [47, 61].

Оглушение /z/ отмечено в отрицательной форме *-maz* (см. § 17).

В слове *us* 'ум, разум' согласная при наращении словом аффикса с гласным началом удваивается: *ussuŋ* (Ч, 16) 'твой разум'.

§ 45. Согласные /f/, /j/, /l/, /m/, /n/, /ŋ/, /r/, /š/, /v/ в ауслауте не подвергались нейтрализации. Согласная /h/ в этой позиции не употреблялась.

§ 46. Итак, в ауслауте происходила нейтрализация оппозиций /b/—/p/, /d/—/t/, /ǧ/—/č/, после согласных и в многосложных словах нейтрализовалось противоположение /g/—/k/.

§ 47. Нейтрализация согласных в анлауте и ауслауте позволяет сделать вывод, что в староосманском языке имели место явления центробежной нейтрализации [44, 264—265].

§ 48. В числе прочих особенностей ауслаута отметим падение согласных: /g/—*aru* 'чистый', *bilü* 'знание' [см. 59, 166]; /k/—*jaja*(*k*) 'пешком' [см. 57, 49]; /l/—*o*(*l*) 'он, тот' [см 47, 74].

Инлаут

§ 49. Необходимо отличать инлаут, возникающий на стыке основ и аффиксов, от инлаута многосложных основ, который непосредственного отношения к аффиксации не имеет.

§ 50. Прямое отношение к аффиксации имеют рассматривавшиеся выше явления озвончения и неозвончения конечных смычных, оказывающихся в инлауте словоформ между гласными (см. § 43).

§ 51. Тексты не содержат данных для убедительного решения вопроса, имела ли место ассимиляция конечными согласными основ начальной переднеязычной смычной фонемы целого ряда аффиксов (*-da*, *-dan*, *-dy* и т. д.), так как они пишутся исключительно с د.

Это явление на стыке ауслаута основ и анлаута аффиксов следует, очевидно, относить к субфонемному, аллофоническому уровню, который, как правило, не находит отражения на письме. Единообразная передача начальной фонемы аффиксов с помощью د позволяет считать, что это была /d/.

В пользу того, что фонема /d/ в аффиксе глагольного времени на *-dy* подвергалась ассимилятивному влиянию глухого исхода основы, свидетельствуют написания, в которых конечная фонема основы передается буквой ت, начальная аффикса — как всегда, буквой د и над обеими буквами выписан тешдид: *ussy gitdi* (ЮЗ, 5) 'он потерял сознание', *išitdi* (СМД, 75б, 76б) 'он услышал'.

§ 52. В инлауте основ употреблялись все согласные, кроме /h/.

§ 53. Нейтрализация оппозиции /p/—/b/ отмечена в инлауте перед /l/. Она проявляется в СН, М, КД в графических колебаниях پ~ب в слове *kaplan* 'тигр' (КД, 51, 52).

§ 54. Графика (с помощью тешдида) отражает удвоенную /s/ в словах: *assy* 'польза, выгода', *issi* 'хозяин', *jassy* 'плоский' (см. § 18), а также в формах слова *us* (см. § 44).

ГЛАСНЫЕ

§ 55. Все графические приемы, с помощью которых в памятниках передаются гласные фонемы, удается объединить в три группы: A, I, U. Каждая группа включает приемы, являющиеся эквивалентными.

Информация, сообщаемая о передаваемых на письме фонемах этими графическими приемами, дополняется сведениями, получаемыми в результате анализа функционирования манифестирующих знаков, т. е. таких, которые позволяют судить, к какому нёбному ряду принадлежат все гласные в слове. Манифестирующими являются знаки: ق, غ, ط, ص (встречаются только в написаниях слов с гласными заднего ряда) и ک (в написаниях слов с гласными переднего ряда).

Письмо не отражает различия широких и узких губных гласных, но, поскольку подразделение как губных, так и негубных гласных на широкие и узкие является общим свойством тюркских языков, несомненно, что оно имело место и в староосманском языке.

Во многих конкретных случаях решение вопроса, является ли губной гласный широким (/o/, /ö/) или узким (/u/, /ü/), возможно на основании общего свойства огузских языков: широкие губные встречаются только в первом слоге.

В подавляющем количестве слов, особенно корневых, качество той или иной гласной подтверждается материалом современного турецкого языка. Итак, получаем: /a/, /y/, /o/, /u/, /ä/, /i/, /ö/, /ü/.

§ 56. Имеются слова, в написаниях которых гласная первого слога передается чаще всего приемами группы I, иногда также приемами группы A (т. е. речь идет о колебаниях I~A). Эти слова в современном турецком языке имеют, как правило, /ä/. Сюда относятся: *bel* 'спина, поясница, горный перевал', *beslä-* 'питать, кормить, лелеять', *de-* 'сказать', *der-* 'собирать', *el* 'страна', *erkäk* 'мужчина', *ertä* 'утро', *et-* 'делать' (и вспомогательный глагол), *geğä* 'ночь', *gej* 'хорошо' и многие другие [см. 74, 153—154; 57, 11—12].

Есть мнение, что слова с такими графическими особенностями имели гласную /e/, которая была шире /i/, но у́же /ä/ [см. 74, 153—154; 65; 47, 37—40].

Вопросу об узком /e/ в тюркских языках посвящено большое число работ, во многих из которых эта проблема рассматривается с точки зрения истории тюркского вокализма [см. 45, 28—33].

Обращает на себя внимание тот факт, что указанные графические особенности, к которым следует добавить одновременное использование противоречащих друг другу приемов (буква ڧ с фатхой), встречаются в написаниях более или менее определенного, ограниченного круга слов — З. Клейнмихель их насчитывает 35 [57, 11]. И этот факт — косвенное свидетельство в пользу /e/.

Важным свидетельством в пользу /e/ следует признать и то, что графические колебания типа I~A при передаче этой фонемы наблюдаются также в тюркских текстах, написанных другими видами письменности: рунической, уйгурской, брахми. И в них эти колебания имеют место в первом слоге и нередко в тех же самых словах [см. 71, 15—16; 72, 1—9; 32, 20—21; 70, 150; 54, 44—45].

Фонема /e/ есть в современном азербайджанском языке и в ряде анатолийских диалектов [см. 55, 48, прим.: 2, 46—47].

Преимущественное использование графических средств группы I для передачи узкого /e/ в условиях отсутствия в алфавите специального знака для такого звука — явление, известное в других языках мира [ср. 43, 42—43].

Хотя мы, по-видимому, имеем все основания считать, что среди фонем староосманского языка была /e/, однако в отношении отдельных конкретных слов бывает затруднительно решить, какая из трех гласных (/ä/, /e/ или /i/) в них использовалась, поскольку регистрация всех графических реализаций слова (необходимая для решения этого вопроса) иногда бывает осуществима лишь на очень большом мамериале. Кроме того, необходимо иметь в виду возможность отражения письмом узких вариантов /ä/.

Особенности графической реализации /e/, а также сингармоническая тождественность этой фонемы гласным /ä/ и /i/ (как видно из приведенных выше примеров, слова с /e/ в непервых слогах имеют передние гласные) позволяют судить о ее фонологическом содержании: негубная гласная переднего ряда шире /i/, но у́же /ä/.

§ 57. Итак, в староосманском языке, видимо, было девять гласных фонем. Фонологические отношения между ними представлены в табл. 2.

Таблица 2

Тембровые признаки / Признаки раствора	Заднего ряда		Переднего ряда	
	негубные	губные	негубные	губные
Широкие	a	o	ä	ö
Средние			e	
Узкие	y	u	i	ü

§ 58. Гармония гласных. Комбинаторно-позиционные особенности гласных в значительной мере определяются действием гармонии гласных. В староосманском языке была развита нёбная гармония. Она действовала как в пределах основ (например, *kanyk* 'который', *konuk* 'гость', *gädük* 'пролом, изъян, ущерб'), так и в словоформах. Аффиксы имели, как правило, по два варианта — с передним и задним гласным. Об этом свидетельствуют написания аффиксов с манифестирующими буквами [см. примеры в § 121 (*-duk*), 139, 147]. Исключением является аффикс (*i*)*kän*, который всегда пишется с буквой ڭ (см. § 113).

Исследователи единодушны во мнении, что губная гармония гласных в староосманском не действовала [см. 74, 154; 47, 29—30; 57, 80]. Это видно из обилия таких основ, как *kapu* 'дверь', *jalduz* 'позолота', *dälük* 'отверстие', *bulyt* 'облако', *bilü* 'знание' и т. д., а также из того, что аффиксы имеют или только губные гласные, или только негубные. А функционирование тех аффиксов (например, именного словообразовательного *-lyk*), которые имеют варианты со всеми узкими, не свидетельствует о действии регулярной гармонии (см. § 62).

Отметим, что в текстах находят отражение многочисленные случаи ассимиляции узких гласных (как прогрессивной, так и регрессивной), которые, возможно, предшествовали развитию губной гармонии [ср. 47, 30]: *konšu* (КД, 17) 'сосед' при обычном *konšy*; *bülü* (КД, 9) 'знание' при обычном *bilü*; *doky-~doku-* 'вбивать' [74, 121].

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ

§ 59. В лексике, так же как и на других уровнях языка (см. § 6, 163), прежде всего выделяются два резко обособленных слоя: 1) исконно тюркские и этимологически нетюркские, но, по-видимому, полностью ассимилировавшиеся слова; 2) арабо-персидские лексические заимствования. Последние в текстах имеют, как правило, фиксированное орфографическое написание, совпадающее с их написанием в арабском и персидском языках. И уже это отличает их от тюркских слов, в написаниях которых наблюдаются колебания.

Как было сказано в § 6, есть основания считать, что обращение с арабо-персидским лексическим пластом со стороны носителей языка на всех языковых уровнях было подобно пользованию иностранным языком. Эта лексика поддавалась ассимиляции лишь в самой ничтожной степени. Ее особое положение в языке объясняется прежде всего той исключительной ролью, которую в течение длительного времени играли в жизни анатолийских тюрок арабский и персидский языки (см. § 3). По нашим подсчетам, арабо-персидские заимствования составляли около 50% (в «Чархнаме» приблизительно 48%, в «Сказании о Мелике Данышменде»—43%) всей лексики староосманского языка.

Трудно было бы обозначить семантические границы этого пласта. Едва ли будет преувеличением считать, что арабо-персидская лексика активно использовалась во всей сфере культурной жизни тюрок Малой Азии XIII—XV вв. Примеры арабизмов и фарсизмов см. в «Словаре» на стр. 86—87.

Ядро тюркской лексики составляют общетюркские слова. Многие из них по звуковому облику и семантике, как правило, ничем не отличаются от соответствующих слов современного турецкого языка: *ač-* 'открывать', *ad* 'имя', *aj* 'луна', *ak-* 'течь', *al-* 'брать', *alt* 'низ', *at* 'конь', *äv* 'дом', *baga* 'лягушка', *baj* 'богатый', *bak-* 'смотреть', *balyk* 'рыба', *baš* 'голова, вершина', *bil-* 'узнать', *bütün* 'все', *dag* 'гора', *dur-* 'стоять, находиться', *jylan* 'змея', *jer* 'земля, место', *kyz* 'девочка, дочь', *ogul* 'сын' и др.

Наряду с этим выделяется группа слов, которые в словаре Махмуда Кашгарского помечены как огузские (некоторые из них отсутствуют в современном турецком литературном языке): *ajruk* 'другой', *äjt-* 'говорить', *andan* 'после', *aŋla-* 'понимать', *av* 'охота', *bajyk* 'несомненно, наверняка', *čätük* 'кошка', *käläğı* 'слово', *oba* 'племя', *savaš-* 'сражаться'. Подобные слова являются лексическим свидетельством того, что носителями староосманского языка были в основном огузы [ср. 74, XIX—XX; 61, 258].

Можно выделить группу слов, или характерных для неогузских языков, или выступающих в некоторых староосманских памятниках в неогузской форме: *bar* 'есть', *bar-* 'идти', *ber-* 'давать', *bol-* 'становиться', *män* 'я', *miŋ* 'тысяча', *mınča* 'столько' (Руми, газели Ш. Хамзы), *özgä* (К, СМД) 'другой', *yrla-* (Р, КД) 'петь'. Такие примеры, по-видимому, свидетельствуют, что среди носителей староосманского языка были тюрки неогузских племен.

В составе тюркской лексики исследователи выделяют небольшую группу слов, которые происходят из языков Дальнего Востока или Средней Азии: *biti* 'письмо' (<кит.), *učmak* 'рай' (<согд.), *damu* 'ад' (<согд.) [см. 22, 103, 617; 74, 148; 61, 260]. Эти слова наряду с исконно тюркскими: *dapu* 'служба', *dägin* 'до', *dälim* 'много', *kany* 'где', *ja* 'лук', *ög* 'разум', *us* 'разум'—могут рассматриваться как представители архаичного слоя лексики, которая характерна для орхоно-енисейских или древнеуйгурских памятников.

В «Сказании о Мелике Данышменде» встречаются греческие слова, заимствованные тюркскими завоевателями Анатолии, очевидно, у местного населения или у своих противников, с которыми им здесь пришлось иметь дело: *burgaz*, *birkäz* 'башня', *idjävalas* 'черт', *kärävüd* 'рак, креветка', *läxäna* 'капуста', *manğylyk*, *manğynyk*—вид метательного орудия, *mädräpälit* 'метрополит', *pilün* 'риза', *sinür* 'граница', *uskumri* 'макрель' [62, т. II, 293—329].

МОРФОЛОГИЯ [1]

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ. СТРУКТУРА СЛОВА [2]

§ 60. Как и все тюркские языки, староосманский является языком агглютинативным, т. е. таким, в котором синтетическое словообразование и словоизменение осуществляются путем последовательного наращения корнем морфологических показателей — аффиксов.

В словоформе выделяются: корень, т. е. непроизводная часть, и грамматическое оформление — словообразовательная и словоизменительная аффиксация. Все аффиксы, за редкими исключениями, в фонетическом отношении зависят от корня в силу действия небного сингармонизма, под которым понимаются небная гармония гласных (см. § 58) и соответствующая окраска согласных. Небный сингармонизм — фонетическое выражение цельности словоформы, принадлежности к ней всех ее составных частей.

В морфологии используются не только синтетические, но и аналитические формы. Аналитические показатели и служебные слова, за редчайшими исключениями, постпозитивны.

Таким образом, для изучаемого языка характерна постпозиция морфологических (синтетических и аналитических) показателей и служебных слов.

Следует различать части речи как классы слов, объединяемых на основе общности ряда признаков (см. § 67), и морфологические формообразовательные категории, которые семантически и функционально дублируют отдельные части речи. Ниже эти категории рассматриваются как функционально-субстантивные (атрибутивные, обстоятельственные и т. д.) формы. Если слова, составляющие части речи, это достояние как словаря, так и грамматики, функциональные формы принадлежат только грамматике. В морфологии изучаемого языка обнаруживается значительное количество функциональных форм.

Ряд обстоятельств позволяет говорить об именном характере строя описываемого языка:

1) наличие самостоятельной именной категории сказуемости, представленной рядами личных форм, имеющих модальные и временные значения (см. § 107—112);

2) наличие многочисленных функционально-именных форм глагола, играющих большую роль в организации синтаксических единиц (см. § 138—157, 176);

[1] Ср. [47, 76—159; 49, 10—23; 52, 41—127; 53, 302—323; 56, 11—76; 57, 107—383; 59, 167—180; 74, 159—187; 75, XVI—XIX].

[2] Ср. [4, 147—172; 20, 43—47; 21, 35—37; 27; 40].

3) некоторые из форм изъявительного наклонения представляют собой именные формы глагола в именной категории сказуемости (см. § 128).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 61. Словообразующие аффиксы не поддаются четкой дифференциации по частям речи. Принято выделять две основные группы этих формантов: аффиксы именного и аффиксы глагольного словообразования. Внутри же первой группы четко разграничить аффиксы, скажем, существительных и прилагательных не удается.

Другой классификационный признак этих формантов связывается с лексико-грамматической характеристикой исходной основы: различают отыменные и отглагольные образования.

Состояние разработки вопроса применительно к староосманскому языку пока не дает возможности установить степень продуктивности многих аффиксов. В отдельных случаях удается обнаружить признаки продуктивности форманта. Но иногда вычленение аффикса, по существу, носит характер этимологизации.

С несколько большей надежностью можно говорить о производительности того или иного аффикса, хотя и здесь возможны уточнения.

В тюркском языкознании еще не выработаны четкие критерии разделения словообразования и словоизменения (например, глагольных функциональных именных форм и имен существительных), нуждается в доработке вопрос о соотношении словообразовательных и словоизменительных свойств отдельных аффиксов (например, *-lu* и *-suz*), о процессах пополнения соответствующих классов слов в результате конверсии. Отсюда ясно, что само отнесение формантов к разряду словообразовательных производится в ряде случаев условно, в угоду сложившейся традиции.

Приводимые аффиксы располагаются приблизительно в том же порядке, что и в работах Э. В. Севортяна [38; 39], которые были использованы в качестве основных пособий при выделении и отождествлении словообразовательных показателей.

Ограниченные рамки очерка не позволяют комментировать аффиксы. Прекрасный общетюркологический анализ каждого из них читатель найдет в монографиях Э. В. Севортяна.

§ 62. Аффиксы, образующие имена от имен. *-lyk, -luk*: *ajdynlyk* 'свет', *čoklyk* 'большинство, множество', *sajrulyk* 'болезнь', *dogryluk* 'честность', *konšyluk* 'соседство', *ājūlūk* 'добро', *dirlik* 'жизнь'.

С точки зрения норм губной гармонии гласных варианты аффикса, как видно из приведенных примеров, часто им не соответствуют. Количественно преобладают варианты с негубными гласными. Это — продуктивный и производительный аффикс.

-lu: *baxtlu* 'счастливый', *dašlu* 'каменистый', *agulu* (КД) 'ядовитый', *dāŋlū* 'такой, подобный', *bašlu* 'раненый'. Продуктивный и производительный аффикс.

-suz: *bašsuz* 'безголовый', *xabärsüz* 'не имеющий известий', *arysuz* (КД) 'нечистый'. Продуктивный и производительный аффикс.

-ğy: *jolğy* 'путник', *kullukčy* 'слуга', *avğy* 'охотник', *jardymğy* 'помощник', *bitigği* (КБ) 'писарь'. Аффикс продуктивен и производителен.

-ğuk: *qal'ägük* 'небольшая крепость', *kujuğuk* 'небольшой колодец', *däpäğük* 'небольшая возвышенность', *gölğük* 'озерцо', *giğägük* (КБ) от *giğä* 'ночь'. Аффикс производителен.

-ğugaz: *kurtğugaz* 'червячок', *ävğügäz* 'домик'.

-ğak: *aŋulğak* 'тихонько', *diŋsüzğäk* 'совсем тихо', *gökčäk* 'красивый, приятный, милый', *jalynğak* 'совсем голый'. Аффикс продуктивен.

-daš: *karyndaš* 'брат', *joldaš* 'попутчик', вероятно, также *bäŋdäš* (КД) 'подобный, такой'.

-a: *geğä* 'ночь', *däpä* 'вершина, холм'.

-(A)[3]*š*: *günäš* 'солнце'.

-(A)n: *bojyn* 'шея', *oglan* 'мальчик'.

-ğyr, *-ğyl*: *balykčyr* (КД) и *balykğyl* (М) 'цапля', *davšanğyl* 'орел'.

-sul: *joksul*. *joxsul* 'бедный, неимущий'.

-la: *daŋla* 'на заре', *dünlä* 'ночью', *sinlä* 'могила'.

-duz: *jylduz* 'звезда', *gündüz* 'день, днем'.

-aj: *eläj* (*iläj?*) (Р, СМД) 'окрестность'.

-yldu: *šakyldu* (СМД) 'бряцание (лат, кольчуги)', *fysyldu* (СМД) 'шорох, свист (стрел)', *tapyldu* (СМД) 'топот (ног)'.

Кроме того:

-kinä (уменьшительный аффикс): *gičkinäŋ* (Руми) 'маленький'<**kiči-g-kinä-ŋ*, *öpkinäŋ* (Руми) 'поцелуй'<**öp-ü-g-kinä-ŋ* [58, 113], *azkinäk* (КД) 'немножко'<**az-kinä-k* [74, 105; 59, 167; 31, 012—013].

-ŋ (уменьшительный аффикс?): *näŋ* (Руми) 'какой-либо, никакой' [58, 112]. См. также примеры с аффиксом *kinä* [59, 167].

-sy: *ajruksy* (КБ, КД) 'другой, отличающийся', *čöksü* (К) 'якорь' и др.

[3] Заглавная буква А в скобках означает гласный любого качества.

§ 63. Аффиксы, образующие имена от имен и глаголов.

-ğak: *tavuğak* (М) 'курочка', *javryğak* (М) 'малое, юное существо', *bürğäk* (КД) 'локон (волос)', *örümğäk* (М) 'паук'.

-l: *dükäl* 'все', возможно, также *čukal* (СМД) 'кольчуга'.

-mur: *jagmur* 'дождь'.

-man: *arzuman* (памятники XVI в.) [66, т. I, 242] 'желание'.

§ 64. Образование имен от глаголов.

-(A)k: существительные — *dernäk* 'место сбора', *danyšyk* 'совет, совещание', *bujruk* 'повеление', *dilāk* 'желание'; прилагательные — *ajruk*, *ajrux*, *ajru* 'другой, больше, уже', *ajyk* (КД) 'трезвый', *äksük* 'недостающий, отсутствующий', *korkak* 'пугливый'. Аффикс производителен.

-lak[4]: *otlak* 'пастбище'.

-sak: *dutsak* 'пленный', *jüksäk* 'высокий', *sarymsak* (СМД) 'чеснок'.

-ga: *bilgä* 'мудрый, знающий'.

-gu, *-ku*: *artuklagu* (КД) 'прибавление, прирост', *bilgülü* 'знающий', *byčgu* 'нож', *gözgü* 'зеркало', *kajgu* 'забота', *ujku* 'сон'.

-agu: *bukagu* (К) 'цепь, путы', *buzagu* (К) 'теленок', *oklagulu* (К) 'круглый'.

-avul: *karavul* 'стража' [66, т. IV, 2283—2284].

-y, *-u*: *konšy* 'сосед', *bilü* 'знание', *kaju* 'забота', *korku* 'страх'. Аффикс производителен.

-a: *čävrä* 'окрестность', *jara-lu* 'раненый', *jörä* или *jürä* 'окрестность'.

-(A)nğ, *-(A)nč*, *-(A)ğ*, *-(A)č*: *dinč* 'спокойный', *giringğ* (М) 'облачность', *gövänč* (СН) 'удовлетворение, радость', *sagynč* 'мысль, надежда'. Сюда же, возможно, относятся *gizlänği* (КД) 'тайник', *ğüläğ* (К) 'смеющийся'.

-gač: *argač* (КД) 'утóк', *däŋlügäč* 'коршун'.

-(A)t: *gäčüt* (М) 'проход', *ögüt* (КД, СМД) 'совет', *suvat* (КД) 'водопой', *jetit*, *jetüt* (КД) 'достаточный, совершенный', *oŋat* (КД, СМД) 'хороший'.

-du: *syndu* (К) 'ножницы'.

-yndu: *girindü* (К) 'пришелец, чужак', *öründü* (КД, СН, К) 'избранный, достойный', *sygyndu* (КД) 'убежище'.

-(y)m: *dälim* 'многочисленный', *ölüm* 'смерть', *sägirdim* (М) 'бег'.

-mak: *bašmak* (М) 'сапог', *ätmäk* 'хлеб', *jemäk* 'еда'.

-gan, *-kan*: *jaratgan* (СВ) 'творец', *dikän* (<*dikkän*) 'колючка', *gömülgän* (КД) 'болото, пропасть'.

[4] Это, собственно, аффикс отыменного словообразования, рассматриваемый Э. В Севортяном после аффикса *-(A)k* ввиду родственности обоих формантов.

-agan: *olagan* 'обычный'.

-(j)an: *jylan* 'змея', *ärän* 'святой', *düzän* 'способ'.

-gyn/-gun/-kyn/-kun: *arkun* (М) 'усталый', *azgunlyk* (КД) 'смута, бунт', *baskun* 'набег, налет', *jorkun* 'усталый'. Довольно производительный аффикс.

-n: *akyn* 'набег, налет', *äkin* (М) 'посев', *bütün* 'целый, весь', *jakyn* 'близкий'.

-(a)r, *-(u)r*: *käsär* (КД) 'топорик'.

-mač: *bazlamač* (СВ) — вид оладьев.

Существительные, в которых вычленяются аффиксы *-(j)ağak*, *-(j)asy*, *-myš*, *-duk*, являются, по всей вероятности, результатом субстантивации соответствующих глагольных функционально-именных форм (см. § 141, 147, 148, 149).

§ 65. Образование глаголов от имен.

-la: *agyrla-* 'ценить, уважать', *bagyšla-* 'прощать, даровать', *sagyšla-* 'считать'. Высокопроизводительный аффикс. О его продуктивности свидетельствует способность образовывать глаголы от арабских и персидских слов, например: *arzula-* (КД) 'желать'.

-lan; assylan- 'извлекать пользу', *jaraklan-* 'готовиться'.

-laš: *daŋlaš-* 'удивляться', *karyndašlaš-* 'брататься'.

-lat: *aŋlat-* 'сообщать'.

-a: *syna-* 'испытывать', *bäŋzä-* 'быть похожим', *dünä-* 'ночевать'.

-y: *jalaby-* (СМД) 'сверкать, блестеть', *bärki-* 'укрепляться', *oky-*, *oku-* 'звать'.

-ga: *jarylga-* (*jarlygan-*) 'прощать, быть прощенным', *dergä-* 'собирать'.

-ar: *bašar-* 'завершать, исполнять', *bälür-* 'быть видимым, ясным', *karar-* 'темнеть', *oŋar-* (КД) 'исправлять, поправлять'.

-gyr, *-gur*: *aŋyr-* (или *aŋgyr-*) 'кричать', *karkyr-* (КД) 'быть ослепленным', *kyžgyr-* (см. § 22), *kygyr-* (КД) 'звать'.

-(a)l: *buŋal-* (КД, М) 'печалиться; наклоняться' *diril-* 'жить', *cokalt-* 'увеличивать, умножать', *ulal-* (КД) 'увеличиваться'.

-yk: *ağyk-* (М) 'проголодаться', *birikdür-* 'объединять', *gözik-*, *gözük-* 'виднеться, быть видимым'.

-sa, *sy*: *susa-* (КБ) 'испытывать жажду', *ajruksy-* (М) 'изменяться'.

-(A)n, *-gan...*: *sakyn-* 'беречься, остерегаться', возможно, *darylgan-* 'сердиться' (ср., однако, [51, 537]).

-ra: *äŋrä-* 'рычать', *diträ-* 'дрожать', *jigrän-* (КД, СН) 'питать отвращение', *ögrän-* 'учить, узнавать'.

-yrga: *äsirgä-* 'щадить, жалеть', *säsirgä-* (К) 'пугаться', *iširgän-* (КД) 'подружиться'.

-ša: *jumša-n-* (КД) 'смягчиться'.

-na: *agna-* (М, СМД) 'валяться, кататься по земле, извиваться', *čajnä-* (М) 'раздроблять, крошить', *kajna-* 'кипеть'.

§ 66. Образование глаголов от глаголов.

-ala: *däpälä-* (КД, СМД) 'убивать, истреблять'. Ср. *däp-* (СМД) 'пришпорить', *däpin-* (СМД) 'ринуться'.

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 67. Вопрос о частях речи в староосманском языке должен рассматриваться в неразрывной связи с учением о частях речи в тюркских языках вообще, ибо никаких специфических особенностей в этой области материал языка не обнаруживает.

В исследовательской практике выделение классов слов производится на основе как семантических, так и морфолого-синтаксических признаков. Как правило, различают одиннадцать частей речи: существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения (все эти пять классов слов рассматриваются как имена), глаголы, послелоги, союзы, частицы, междометия, звуко-образоподражательные слова. В последнее время обосновывается точка зрения, согласно которой необходимо выделять также разряд предикативов (см. § 106).

Как всякая классификация, распределение слов по указанным двенадцати классам огрубляет реальную картину. Наряду с типичными представителями каждого класса имеются слова, отнесение которых к какому-либо одному классу оказывается затруднительным.

Языковой материал дает основание полагать, что одно и то же слово в принципе может входить одновременно в разные классы. Это, как представляется, происходит в тех случаях, когда слово, сохраняя целостность с лексико-семантической точки зрения, в грамматике входит в разные функциональные ряды, характеризующие разные части речи. Примерами могут служить слова *bilä* 'вместе, с', *gerü* 'назад, после', *ilärü* 'вперед, раньше', *karšu* 'против, навстречу, *sonra* 'потом, после', которые не только в настоящей работе (см. § 83, 159), но и во многих других тюркологических исследованиях включаются как в класс наречий, так и в класс послелогов-частиц. Слова, выступающие в качестве основ послелогов-имен, входят, как правило, также в класс существительных (см. § 160; исключение там составляет только упомянутое выше слово *karšu*). Способность слова входить одновременно в состав разных частей речи, несомненно, связана с его двойственной, лексико-грамматической природой [см. 4,151—153].

Сказанное отнюдь не предполагает отождествления синтаксических функций и частей речи, ибо имеется в виду, что тюркские части речи по своим функциональным особенностям могут отличаться от соответствующих частей речи в других языках. Признается, что использование прилагательных в функции приглагольных определений (см. § 79) и существительных в качестве определений в изафете I (см. § 172) составляет специфику этих частей речи в тюркских языках.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Число

§ 68. Категория числа в своем основном значении употребляется для выражения грамматическим способом количественных характеристик, присущих предметам объективной действительности (один — не один); ее значение соотнесено непосредственно с ситуацией; она не служит для организации словосочетаний или предложений и в этом смысле не является синтаксической категорией (подробнее см. [19]).

«...Имя существительное без показателя числа не содержит в себе указаний на число (разрядка моя.— *В. Г.*) и выражает всю совокупность данных предметов (лиц) в целом» [28, 74]. Множественность предметов выражается, как и в других тюркских языках, с помощью аффикса *-lar*. В оппозиции «форма с нулевым показателем — форма с *-lar*» последняя выступает как маркированный член, сигнализирующий о множестве предметов. Неотмеченный член — форма с нулевым показателем — не несет информации о количестве предметов и, следовательно, может относиться как к единичному предмету, так и к множеству предметов. Это отношение между двумя формами, по-видимому, и позволяет им функционировать в соответствии с «принципом экономной аффиксации» [33, 121—129]. Сказанное можно проиллюстрировать следующими двумя примерами:

1) *Päs bir javuz išlü 'avrat ävinä konuk oldy. Vä ol 'avratuŋ fāḥišä* karavašlary *varydy, ol* karavašuŋ *birisi javlak xūbidi* (КД, 14) 'Затем [отшельник] стал гостем в доме женщины, занимавшейся дурными делами. А у той женщины были рабыни легкого поведения, одна из тех рабынь была очень красивой' (множественность выражена в слове *karavašlary*, но при повторном употреблении выражение этого значения отсутствует).

2) kāfirlärdän *čok* kāfir *kyrdylar* (СМД, 49б) 'уничтожили многих из гяуров'.

Факультативность показателя числа в случаях, когда множественность выражена иными способами, видна также из сравнения примеров: *düšmany čok ola* (КД, 9) 'у него много врагов', *čok gämilär* (М, 9б) 'много кораблей'.

Категория принадлежности

§ 69. Категория принадлежности является грамматическим синтетическим средством выражения отношения принадлежности между предметами, лицами, явлениями, а также других отношений между ними, которые с точки зрения тюркского языкового мышления поддаются истолкованию как отношения принадлежности. Особенно разнообразно использование формы 3-го лица, поскольку в этой форме значение отношения к конкретному лицу, характерное для первых двух лиц, теряет свою главенствующую роль, уступая ее отношениям между предметами и явлениями объективного мира.

Категория принадлежности образуется при помощи перечисляемых ниже специальных аффиксов, которые присоединяются к именам, обозначающим предмет обладания. В предложении существительное в форме категории принадлежности может употребляться самостоятельно, но может соотноситься с личными местоимениями в родительном падеже или именами в основном или родительном падеже (последнее возможно только для формы 3-го лица). Конструкции с именами представляют собой самостоятельное грамматическое явление, существующее на базе категории принадлежности,— изафет (§ 172).

Аффиксы принадлежности.

1-е л. ед. ч. *-(u)m*: *sözümä dutuŋ kulak* (ЮЗ, 2) 'прислушайтесь к моим словам'; *oglanlarum* (КД, 1) 'сыновья мои'; *bänüm dirligüm* (КД, 40) 'моя жизнь';

2-е л. ед. ч. *-(u)ŋ*: *xōš dur, jā ogul, sänüŋ düšüŋ, sulṭān-lygyla gäčisär 'ömrüŋ, jašuŋ* (ЮЗ, 2) 'хорош твой сон, сынок, всю свою жизнь ты проведешь султаном'; *sänüŋ ajrulyguŋ ränǧi bizä javlak katydur* (КД, 40) 'мука от расставания с тобой для нас слишком велика';

3-е л. ед. ч. *-(s)y*: *bujrugy* (СВ, II, 45) 'его приказ'; *kamusy anuŋ dapusynda durmyšydy* (КД, 3) 'все они находились у него на службе'; *kalany korkdylar* (СМД, 100а) 'те из них, кто остался, испугались';

1-е л. мн. ч. *-(u)muz*: *atamuz* (СВ, II, 47) 'наш отец'; *imdi bizüm išümüzdä nä maṣlaḥat görürsin?* (КД, 20) 'теперь что ты считаешь выгодным (для нас) в нашем деле?'; *sözümüz uǧy* (СМД, 50б) 'конец нашего рассказа';

2-е л. мн. ч. *-(u)ŋuz*: *nä dedi kamuŋuza* (ЮЗ, 6) 'что он

сказал всем вам?'; *ussuŋuz* (СВ, II, 146) 'ваш разум'; *gözüŋüz kör olsun* (КД, 40) 'чтоб вам ослепнуть';

3-е л. мн. ч. *-lary*: *bäklări kim Sărxaildür iki kardašy daxy vardy* (СМД, 51а) 'было еще два брата, предводителем которых был Серхаил'.

Склонение

§ 70. В староосманском языке находим развитую систему показателей, которые выражают отношения обозначаемых существительными предметов к другим предметам или процессам действительности, а также указывают на синтаксические функции существительных.

§ 71. Основной падеж. Так принято называть форму имени, не имеющего специального падежного показателя. В этой форме имя синтаксически наиболее полифункционально, ибо может быть любым членом предложения, употребляется с послелогами-частицами и во многих случаях с послелогами-именами. Другие падежные формы выступают как морфологические средства эксплицитного синтетического выражения определенных синтаксических или ситуативных отношений. Но те же отношения, при отсутствии необходимости в их специальном обозначении, в принципе могут передаваться и формой основного падежа.

§ 72. Родительный падеж *-(n)uŋ* — средство обозначения обладателя при отношениях принадлежности. Он оформляет компонент-определение в изафетных конструкциях III (см. § 172): *kišinüŋ mălу* (СВ, II, 6) 'богатство человека'; *čarxuŋ gözi* (КД, 57) 'око судьбы'.

Этот падеж используется также вне изафета: *nä ki pājğambärlärüŋ var* (СВ, II, 91) 'то, что есть у пророков'.

§ 73. Винительный падеж *-(j)y*. В «Диване» Бурханэддина Сивасского встречается показатель *-ny* (*kušny* 'птицу', *Bagdadny* 'Багдад'). При именах, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица, употребляются аффиксы *-n*, *-ny*. Падеж служит для эксплицитного синтетического обозначения предмета, являющегося прямым объектом действия; на уровне синтаксиса выступает как маркированная форма прямого дополнения. Но употребление его в значительной степени факультативно, что проявляется часто в одной и той же речевой ситуации, как, например: *nä* joksuly *äsirgär*, *nä* bajy, *nä ak sakallu* pïr *kor*, *nä xō* oglan (Ч, 49) 'ни бедняка не щадит, ни богача, ни белобородого старца, ни юношу'.

При именах с указательным местоимением: *nažm düzdüm* bu sözi *dün ü güni* (ЮЗ, 1) 'я слагал эту речь стихами день и ночь', но: ol dastān *äjit išidälüm* (М, 2а) 'расскажи эту историю, послушаем'.

Этот падеж может быть факультативен даже при именах с аффиксами принадлежности: *diŋlä* sözüm (Ч, 7) 'выслушай меня'; anduŋ *ničün syduŋ?* (ЮЗ, 6) 'почему ты нарушил свою клятву?', но: kardašyny *öldürän kardaš dägül* (ЮЗ, 6) 'не брат тот, кто убивает брата'. В одной речевой ситуации: agzuŋ *ačmagyl vä* dilüŋi *sözä däprätmägil* (КД, 40) 'рта не открывай и не шевели языком, чтобы говорить'.

Представляется, что винительный падеж как необходимое средство использовался лишь в таких речевых ситуациях, в которых возникала потребность морфологического обозначения прямого дополнения, выражающего объект действия. К числу таких ситуаций мог, например, принадлежать нарушенный порядок слов (отстоящее или постпозитивное дополнение), наличие более одного участника события, при котором каждый способен стать объектом воздействия: *vä* dilküji *ol iki gäjik däpälämadi* (КД, 17) 'и лису не те два оленя убили'.

В остальных же случаях употребление винительного падежа было факультативным.

§ 74. Дательный падеж *-(j)a*. В «Диване» Бурханэддина Сивасского встречается также аффикс *-ga*. Он является средством обозначения предмета, по направлению к которому, в адрес которого или в интересах которого совершается действие (примеры 1, 2, 3, 4). Пространственно-временные отношения, передаваемые этим падежом, могут уточняться послелогами (пример 5). Этот падеж передает также некоторые отвлеченные значения (пример 6). Имеет сферу формального использования, в которую прежде всего входит глагольное управление (пример 7):

Примеры: 1) *učmaka girdi* (СВ, I, 51) 'попал в рай'; 2) *päs arslanuŋ anasy katyna vardy* (КД, 52) 'затем он пошел к матери льва'; 3) *bujurdy čärijä* (СМД, 49а) 'приказал войску'; 4) *uslսja vergil süčümi* (СВ, V, 2) 'дай мое вино разумному'; 5) *kapusyna dägin* (СМД, 52а) 'до самой двери'; 6) *gün u gečä göjnärväm bu umuda* (СВ, III, 5) 'день и ночь горю этой надеждой'; 7) *xalqa sorma taŋryjy* (СВ, II, 52) 'не спрашивай у народа о боге'.

§ 75. Исходный падеж *-dan*. Вариант *-dyn* встречается в некоторых лексикализовавшихся формах, например: *öŋdin* 'раньше, прежде', *jaŋadyn* 'со стороны', а также в конструкциях с послелогами *jaŋa* и *jaŋadyn*, например: *šähirdin jaŋa* (М, 8б) 'к городу'; *andyn jaŋadyn* (КД, 50) 'от него'.

Этот падеж самый многозначный. Он выступает как форма имени, обозначающего предмет, рассматриваемый говорящим как отправная точка (примеры 1, 2), источник действия или какого-либо явления (сюда же относятся значения источника происхождения, причины как источника возник-

новения действия или события, материала как источника изготовления и др.) (примеры 3—7); этим падежом оформляется имя, обозначающее предмет, с которым что-либо сравнивается (пример 8); передаются отделительно-привативные, отграничительные значения (примеры 9—10); обозначается предмет, являющийся местом приложения действия (пример 11), объект приложения действия (пример 12), место или пространство, через которое совершается действие (пример 13), и т. д. [ср. 26, 81—87]. Исходный падеж имеет широкую сферу формально-грамматического использования (примеры 14—16), он взаимодействует с многочисленными послелогами (см. § 159) (примеры 2, 3).

Примеры: 1) *gidārmāgil sözümi kulaguŋdan* (Ч, 4) букв. 'не упускай мою речь из твоих ушей'; 2) *bu dünjādan bärü kačuŋ* (СВ, XII, 6) 'из этого мира бегите сюда'; 3) *bändän bir fi'l görürsäŋüz ki 'aqyldan dašradur* (М, 57а) 'если вы увидите, что от меня [исходит] действие, которое находится за пределами разума'; 4) *saŋa daxy dokynur ol okdan* (Ч, 21) 'некоторые из тех стрел поразят и тебя'; 5) *Mäliki sandylar kim gändülärdändür* (СМД, 90а) 'они решили, что Мелик — один из их людей'; 6) *bän anuŋ sajrulygyndan sajruvam* (СВ, II, 135) 'я болен оттого, что болен он'; 7) *jemäk, ičmäk bihištdä nürdandur* (СВ, I, 35) 'пища и питье в раю из света'; 8) *läğiräm bunuŋ gibi dirlikdän ölüm jigrāk* (КД, 60) 'однако смерть лучше такой жизни'; 9) *gäč näfs ärzüsyndan* (Ч, 26) 'откажись от душевных желаний'; 10) *dälim günlär avdan kaldy* (КД, 37) 'в течение многих дней был лишен возможности заниматься охотой' (букв. 'оставался без охоты'); 11) *jüri ardyndan Jüsufy baŋa oxy* (ЮЗ, 5) 'отправляйся вслед за ними, позови ко мне Юсуфа'; 12) *bägubän kujrugyndan götürüb dašra atdy* (М, 2а) 'садовник оттащил его за хвост и выбросил вон'; 13) *kamuŋuzy ol damudan gäčürä* (СВ, II, 150) 'он всех вас заставит пройти через тот ад'; 14) *günähdän tävbä äjlä* (Ч, 9) 'покайся в грехе'; 15) *jüri imdi mädäd istä 'aqyldan* (Р, 16а) 'теперь иди, проси помощи у разума'; 16) *bindän yrak* (СВ, VI, 7) 'далеко от меня'.

§ 76. Местный падеж *-da*. Имя в этом падеже обозначает предмет, являющийся местом, точкой или замкнутым пространством, в котором происходит какое-либо действие или явление, выражает момент или отрезок временной оси, к которому приурочено какое-либо событие (примеры 1—4), а также выражает иные отношения, которые говорящий интерпретирует как входящие в круг перечисленных выше, например, в тех случаях, когда имя обозначает какое-либо качество, свойство, отвлеченное понятие и т. д. (пример 5) [ср. 26, 87—92]. В исследуемом языке местный падеж при передаче пространственных отношений

иногда выступает как грамматический синоним дательного и исходного падежей (примеры 6, 7).

Примеры: 1) *ägär näm istärsäŋ äxirätdä* (Ч, 15) 'если хочешь славы в загробной жизни'; 2) *aj bigi 'ālämdä ajdynlyk verür* (СВ, II, 88) 'он в мире, как луна, излучает свет'; 3) *bir gölğükdä üč balyk varydy* (КД, 27) 'в одном озерце жили три рыбы'; 4) *här jyl bir bällü gündä bir garīb kiši qurbān äjlärlärmiš* (М, 13б) 'каждый год, в определенный день, приносили в жертву какого-нибудь чужестранца'; 5) *näčä bir jata sän ġaflätdä e jār?* (Ч, 13) 'долго ли ты будешь предаваться лени, о друг?; 6) *dony jerindä kody* (КД, 58) 'штаны он оставил тут же'; 7) *bārī qafasynda bunuŋ mühräsin čykarajym* (М, 56а) 'хоть вырву у нее из головы мюхре (т. е. камешек, будто бы находящийся в голове змеи)'.

§ 77. Сравнительный падеж (экватив) *-ğa*. Среди значений этой формы имени выделяются локативное (примеры 1, 2), значение, передаваемое по-русски предлогами «согласно, по, в соответствии с» (примеры 3—5), уподобительное значение (пример 6), а также иные обстоятельственные значения, близкие названным.

Примеры: 1) *oš bu düzgün düzdilär jolğa gidü* (ЮЗ, 5) 'вот что они задумали сделать, шагая по дороге'; 2) *Nästor jolğa gidärikän aglarydy* (СМД, 99б) 'Нестор плакал, двигаясь по дороге'; 3) *tädbīrlär ululyk hükminğä bujura* (КД, 30) '[он] отдает распоряжения, соответствующие [его] высокому положению'; 4) *gändü 'ädätinğä busuja durdy* (М, 37а) 'он по своему обыкновению стоял в засаде'; 5) *gändü ärzüsy diläginğä jejäsi jer* (КД, 60) 'ест столько, сколько захочет'; 6) *kušča* (КБ) 'по-птичьи' (т. е. так, как птица).

§ 78. Инструментальный падеж *-yn*. Имя в форме инструментального падежа встречается довольно редко. Падеж передает обстоятельственные значения (времени, места, образа действия). Исследователи считают, что в староосманском языке этот падеж находился на стадии исчезновения, хотя и сохранил еще некоторую продуктивность [47, 78—79; 57, 269].

Примеры: 1) *āfät erdügi vaqtyn fikrüŋ vä rajuŋ assysy ögüš olmaz* (КД, 27) 'когда приходит беда, не много пользы от размышлений'; 2) *ol vaqtyn* (СМД, 83а, 114б) 'в то время'; 3) *ädämilär any görüb daŋlašdylar, jer jerin ün etdilär* (КД, 40) 'при виде этого люди удивлялись и (букв. местами) поднимали крик'; 4) *bir dün kaplan arslan katyna xalvätin varmyšydy* (КД, 51) 'однажды ночью тигр отправился ко льву один'; 5) *ol dört jyl ičindä bir kiši ağyn öldi* (М, 3б) 'в те четыре года один человек умер от голода'.

§ 79. В тюркских языках имеются лишь такие прилагательные, значение которых не может быть выражено именами существительными путем отнесения их к другим существительным в рамках изафетных конструкций [26, 106], а также путем использования имен существительных в функционально-атрибутивных формах (образованных аффиксами *-lu*, *-suz*, *-ki*, см. § 81, 82, 172).

Синтаксически прилагательные специализируются в функции приименных и, если позволяет семантика, приглагольных определений. Эта последняя, обстоятельственная функция роднит их с наречиями. Однако в силу своего лексического значения некоторые прилагательные, например те, которые передают типично предметные признаки цвета (*jāšil* 'зеленый'), размера (*ulu* 'большой', *kiči* 'маленький'), количества (*kamu* 'все', *dälim* 'многочисленный') или служат для выделения предметов (*dägmä* 'каждый'), не используются или редко используются в функции приглагольного определения. Там же, где нет препятствий со стороны семантики, прилагательные полностью реализуют свои синтаксические возможности, например: *'avratyn* gäj *dōgdi* (КД, 15) 'он хорошенько поколотил жену'; xūb *söjlädūŋ* äjü *tädbīr äjlädūŋ* (СМД, 84а) 'ты хорошо сказал и хороший задумал план'; äjü *söjlädūŋ* (СМД, 87б) 'ты хорошо сказал'.

§ 80. В текстах встречаются примеры редупликации прилагательных как средства выражения интенсивности признака: *dūp dūz* (Ч, 30) 'совсем ровный'; *kybkyzyl* (СМД, 61а) 'совершенно красный'.

ИМЕННЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-АТРИБУТИВНЫЕ ФОРМЫ

§ 81. Большинство исследователей к разряду прилагательных относят именные формы с аффиксами *-lu*, имеющими наделительное значение, и *-suz* — с приативным значением. Действительно, эти формы, как известно, и своей семантикой, и функциональными особенностями чрезвычайно близки к прилагательным, ср., например: *päs Dimna rānğūr vä kajgulu oldy* (КД, 63) 'тогда Димна сделался немощным и печальным'; *ẓa'if vä jaraksuz vä joksul düšmān* (КД, 84) 'слабый, безоружный и бедный противник'; *kāfirlär gändülärdän xabärsüz oldylar* (СМД, 129б) 'гяуры ничего о них не знали'.

Изучаемый материал показывает, что названные аффиксы могут оформлять не только отдельные существительные, но также имена, уже имеющие при себе определение (пример 1), и даже определение, выраженное указательным

местоимением (2). В примере 3 аффикс *-suz* оформляет имя с аффиксом принадлежности, являющееся определяемым в изафете III. Такие факты свидетельствуют, что аффиксы *-lu* и *-suz* способны образовывать функционально-атрибутивные формы существительных, которые в силу семантической и функциональной близости к прилагательным легко могут лексикализоваться, попадая в лексико-грамматический класс прилагательных.

Примеры: 1) *mälik bilsün kim ägri mizāğlu kišidän här gäz dogrylyk gälmäz, javuz xulqlu, javuz jollu kiši güğilä vä zaḥmätilä här gäz dogr(u) jola vä gärčäkligä gätürmägä jaramaz* (КД, 16—17) 'пусть царь знает, что от человека с извращенным характером никогда не исходит справедливость, и не годится силой и трудом наставлять на путь истины и справедливости человека с дурным нравом, [идущего] по неверному пути'; 2) *sän bu mizāğlu kišisin* (КД, 43) 'ты человек с таким характером'; 3) *vä mästür ḥalālynuŋ dilägінsüz hīč iš kylmaja* (КД, 16) 'ничего не сделает без желания своего целомудренного супруга'.

§ 82. Формы с аффиксами *-ky*, *-gy* также близки к прилагательным прежде всего тем, что они выступают как приименные определения. Они образуются от слов и форм, обозначающих какое-либо место в пространстве или точку на временной оси. Эти формы также обладают высокой функциональностью, и их по тем же соображениям, что и формы на *-lu* и *-suz*, не рационально включать в класс прилагательных. Естественно, что по причине функционального совпадения этих атрибутивных форм с прилагательными они легко подвергаются адъективации.

Примеры: *šol äsrük pīl kulagyndagy jijir čirkä konar* (КД, 36) '(муха) садится на смердящий гной в ухе того пьяного слона'; *jarynki gün* (К, 1) 'завтрашний день'.

Как и прилагательные, образования с *-ky* легко поддаются функциональной субстантивации и используются в других синтаксических функциях, свойственных именам существительным, например: *qal'ädäkilär čūn any gördilär färjād kyldylar* (СМД, 89б) 'когда те, кто находился в крепости, увидели это, они подняли крик'; *čūn aŋa güč edälär taḥammul edä vä äli altyndagyna tävāẓu' vä märḥamät edä* (М, 25б) 'когда его подвергнут насилию, он выдержит и будет смиренным и милосердным по отношению к тому, под чьим владычеством он находится'.

НАРЕЧИЕ

§ 83. Эта часть речи включает следующие семантические группы слов: 1) слова, выражающие разнообразные признаки и характеристики действия; 2) слова, характери-

зующие какой-либо признак и, как принято говорить, обозначающие признак признака; 3) слова, значение которых сводится к различного рода пространственным и временны́м характеристикам обстоятельств, условий.

В синтаксическом плане этот класс слов используется или как глагольные определения, или как обстоятельства.

С точки зрения словообразования и происхождения наречия в основном представляют собой продукты адвербиализации слов и форм других лексико-грамматических категорий, которые имели или имеют указанные значения и способны выполнять названные функции.

Примеры наречий первой группы: 1) *bu gäz* aŋsuzdan *gülär Jūsuf nābī* (ЮЗ, 6) 'на этот раз неожиданно рассмеялся пророк Юсуф'; 2) *bunuŋ ilä* bilä *varmak jegräkdür, bilä varajyn* (М, 6а) 'лучше пойти вместе с ним, пойду-ка я вместе [с ним]'; 3) *lïkin ol görklüräkdür kim čašutlar vä xabärğilär* ulašduru *veribijävüz* (КД, 71) 'однако лучше, чтобы мы постоянно посылали шпионов и осведомителей'.

Примеры, содержащие наречия второй группы: 1) *ikisi daky* javlak *zïräk idi* (КД, 3) 'оба они были очень смышленые'; 2) *ošbu karyndašlygy* (sic!) *bašladuguŋa* javlak *šäkir vä minnätdär oldum* (КД, 64) 'я очень рад и благодарен за то, что ты начинаешь эту дружбу'.

Примеры наречий третьей группы: 1) aŋaru berü *edinğä tuzuŋ jarusy kalmaz* (М, 47а) 'пока ты перемещаешься вперед, назад, не останется половины соли'; 2) *kibr gördi any tez* gerü *döndi* (Р, 16б) 'гордость увидела это, быстро вернулась назад'; 3) *müräbbïsüz* iläri *varmaja iš* (Р, 18б) 'без наставника дело вперед не пойдет'; 4) *la'ïn kalkan* kaːšu *dutdy* (СМД, 49а) 'проклятый (неверный) выставил навстречу щит'; 5) andan *arslan ol sözläri gändü anasyna 'arz äjlädi* (КД, 64) 'затем лев пересказал те слова своей собственной матери'.

ИМЕННЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФОРМЫ

§ 84. К обстоятельственным формам — дублерам наречий, легко поддающимся адвербиализации, относятся образования с аффиксами *-lajyn*, *-ğylajyn*, имеющими значения «подобно, как»: *ogurlajyn* (КД, 59; СМД, 156б) 'как вор, тайком'; *bajagylajyn* (М) 'как прежде'.

Несколько иное значение этой формы реализуется в примере: *daky gäčmiš näsnänüŋ tädbïrin äjlämäk, varmyš iši ikiläjin aŋmak assylu olmaz* (КД, 51) 'также бесполезно заниматься чем-то, что уже прошло, снова (во второй раз) вспоминать то, что уже было'.

Образования с *-ğylajyn* характерны для местоимений:

bäŋğiläjin (Р, 19б; КБ) 'как я'; *säŋğiläjin* (Р, 19а; КБ) 'как ты'; *bizčiläjin* (КБ) 'как мы'; *sizčiläjin* 'как вы' [*äxyr anlar daxy sizčiläjin adam dururlar* (СМД, 54б) 'они тоже, наконец, люди, как вы']; *aŋğylajin* (М) 'как то, так'; *bunğylajyn* (М) 'как этот' [*bunğylajin bilgülü kanda bulyna* (М, 55а) 'где найдется такой знаток, как этот?'].

Словоизменительный характер рассматриваемых форм ясно виден из староосманских примеров, приводимых Ж. Дени: *gögärğinläjin* 'как голубь'; *gökdäkiläjin* 'как те, которые на небе'; *biz daxy gändüläjin aŋa ḥamd u ṣänä kylavuz* 'мы, как он, совершим благодарственный молебен' [51, 597].

§ 85. Часто встречаются функционально-обстоятельственные формы, образующиеся путем удвоения существительных или прилагательных: *ajak ajak agmak* (КД, 6) 'постепенно продвигаться вверх'; *aŋul aŋul učdy* (КД, 22) '[ворон] полетел очень медленно'.

ФОРМА НА *-(y)rak*

§ 86. Прилагательные, наречия, атрибутивные и, по-видимому, обстоятельственные функциональные формы обладали способностью выступать в синтетической форме сравнительной степени на *-(y)rak*: *Dimna ḥarïṣrakdy* (КД, 3) 'Димна был более жадным'; *bir söz äjidäm kim šäkkärdän datlurak* (ЮЗ, 1) 'скажу слово слаще сахара'; *biraz aŋarurak vardy* (М, 22а) 'она пошла немного дальше'.

Форма на *-(y)rak* встречается также в таком использовании, в котором она не выражает идеи сравнения, а передает несколько увеличенную меру признака: *äj karyndaš, varağak jerümüz yragrakdur häm bäː daxy armyšam* (М, 2б) 'послушай, брат, до места, куда мы идем, довольно далеко, а я устал'.

§ 87. Форма на *-(y)rak* участвовала в изафетных конструкциях (см. § 172), выражающих превосходную степень признака: *xulqlaruŋ bägänilmišrägi* (КД, 29) 'тот из характеров, который больше всех нравится'; *väzirüŋ jegrägi* (КД, 43) 'лучший из везирей'.

Есть примеры, свидетельствующие о факультативности показателя *-(y)rak* в таких конструкциях: *kišilär jegi* (СН) 'лучший из людей'; *ärän jeglärin* (СН) 'лучших святых' [47, 104].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В староосманском языке числительные по составу мало отличаются от числительных современного турецкого языка.

§ 88. Следующие количественные числительные фонетически отличаются от соответствующих современных: *beš* 'пять', *jedi* 'семь', *jetmiš* 'семьдесят' (с узкой /e/), *jigirmi* (*jegirmi?*) 'двадцать', *biŋ* 'тысяча'.

§ 89. Порядковые числительные образуются с помощью аффикса -(y)nğ(y), -(u)nğ(y): *äčünği* (КД, 1), *äčinği* (М), *üčinği* (М) 'третий'; *dördünği* (КД, 1), *dördinği* (М) 'четвертый'.

§ 90. Примеры разделительных числительных: *birär* (СН) 'по одному'; *ikišär* (СН) 'по два'.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 91. Характерной чертой местоимений является то, что они лишь указывают на предмет, признак, количество предметов и т. д., но не называют их непосредственно. В функционально-грамматическом плане они ведут себя по-разному в зависимости от того, заместителем какого из рассмотренных выше классов слов они выступают. Именно поэтому представляется целесообразным разделить местоимения на следующие разряды: субстантивные, определительные, обстоятельственные, количественные. Необходимо иметь в виду, что и у местоимений наблюдаются процессы перехода из одного разряда в другой, т. е. происходят процессы, аналогичные процессам субстантивации, адъективизации, адвербиализации.

Субстантивные местоимения

§ 92. В разряд субстантивных местоимений следует включить те, которые семантически и функционально выступают или способны выступать в качестве заместителей имен существительных.

§ 93. Личные и указательные местоимения. В полном смысле личными являются только местоимения *bän* 'я', *sän* 'ты', *biz* 'мы' и *siz* 'вы' [*verävän gülläг čičäklar beslärisäŋ sän bäni* (КД, 9) 'я дам розы, цветы, если ты будешь заботиться обо мне'].

Особенности их склонения состоят в том, что *bän* в родительном и дательном падежах имеет формы *bänüm* (*benüm*, *benüm*), *baŋa*; *sän* в дательном падеже — *saŋa*; *biz* в родительном падеже — *bizüm*; в КБ *biz* и *siz* в дательном падеже — *bizgä*, *sizgä*.

С послелогами, которые при именах существительных требуют основного падежа, личные местоимения выступают в родительном падеже: *bänüm bigi* (Р, 2а) 'как я'; *sinüŋ ičün* (СВ, XIX, 5) 'ради тебя'.

§ 94. Местоимения *bu* 'этот', *šu* 'тот' и *ol* или *o* 'тот' имеют две сферы использования.

В неизменяемом виде они выступают как слова, служащие для выделения предмета или предметов из некоего множества или класса, как языковое средство указания на предмет. В этой функции «указательных» местоимений они не дублируют никакой другой класс слов и могли бы благодаря ей занимать особое место среди других местоимений. Синтаксически они функционируют как приименные определения. Примеры: *Dimna bu sözilä javlak šäd oldy* (КД, 9) 'Димна был очень обрадован этими словами'; *ol geğä šu däŋlü ğäng edärlär* (СМД, 163а) 'так сражались они в ту ночь'.

Местоимение *bu* может усиливаться частицей *oš* (или *uš?*), *iš*, употребляющейся препозиционно (см. также § 161): *ošbu sözdän gäčgil* (КД, 4) 'оставь вот эти речи'; *išidüŋüz bu gün išbu kälämy* (СМД, 50а—б) 'сегодня послушайте вот эту речь'.

Использование той же частицы с местоимением *ol* привело к возникновению формы *šol*: *šol ağ it bigi* (КД, 4) 'как тот голодный пес'; *šol sā'at Mälik bujurdy* (СМД, 49б) 'в тот же час Мелик приказал...'.

Более усложнено местоимение *šolok* (*šol*+*ok*): *šolok sā'at 'avrat hälāk oldy* (КД, 15) 'жена тотчас же умерла'.

Местоимения *bu*, *šu*, *o*(*l*) используются также как заместители имен существительных, указывая как на одушевленные, так и на неодушевленные предметы. В этой функции они склоняются и в косвенных падежах имеют основы *bun-*, *šun-*, *an-* или *on-*. Формы дательного падежа: *buŋa*, *šuŋa*, *aŋa*. Формы множественного числа: *bu(n)lar*, *šunlar*, *anlar* (*olar*, *alar*), например: *biz buny ḫīläjilä alavuz* (СМД, 53б) 'мы возьмем ее (крепость) хитростью'; *bany böjlä derkän* (СМД, 219а) 'когда они об этом так говорили'; *šunlar ki käfir oldylar* (К, 1) 'те, которые стали гяурами'; *Mälik čün any gördi* (СМД, 49а) 'когда Мелик увидел это'.

Способность обозначать одушевленные предметы в 3-м лице сближает эти местоимения с собственно личными: *bunlar ğänyla gäldi*, *ğänyla gidär* (Р, 3б) 'они пришли с душой, с душой уйдут'; *ol arslan bularuŋ mälikijidi* (КД,3) 'тот лев был их царем'.

Наиболее «втянутым» в ряд личных местоимений является местоимение *ol* (мн. ч. *anlar*), которое чаще других выражает лицо, например: *päs any okudy vä äjitdi*: *kanda olursyn? ol äjitdi...* (КД, 8) 'потом он его позвал и спросил: «Ты где обитаешь?» Тот сказал...'; *anlaruŋčundur qyjämät günindä ulu 'azāb* (К, 1) 'для них — великое мучение в день Страшного суда'.

Падежные формы этих местоимений проявляют способность к адвербализации: *bunda* 'здесь', *bundan* 'отсюда', *anda* 'там, туда', *andan* 'оттуда', например: *anda varursa bundan* (СВ, III, 7) 'если пойдет туда отсюда'.

§ 95. К разряду субстантивных принадлежат местоимения *kim* 'кто' и *nä* 'что', которые считаются вопросительными: *bu kimdür*? (КД, 8) 'кто это?'; *äjitgil*: *nädür*? (КД, 6) 'скажи: «Что это?»'.

Местоимение *nä* входит не только в ряд субстантивных местоимений, но и в ряд определительных в значении «какой, что за»: *nä kišilärsiz*? (СМД, 52б) 'что вы за люди?'.

§ 96. Местоимения *näsnä*, *näsänä* (<*nä*+*isä*+*nä*), *näsä* 'нечто, ничто' и *kimäsnä*, *kimsänä* (<*kim*+*isä*+*nä*), *kimsä* 'кто-то, никто', *biri* 'один, кто-либо, что-либо' и производные от *biri*—*här biri* 'каждый', *birbirin* 'друг друга', *biri birinä* 'друг другу' и т. д., а также *birägü* 'кто-либо' можно рассматривать как местоимения с неопределенно-предметным значением, например: *karny här jerdä här näsnäjlä tok olur* (КД, 4) 'его желудок везде насыщается чем угодно'; *bula siz kimsäji*, *ki bulduk biz* (СВ, I, 80) 'найдете кого-то, кого нашли мы'; *vä kimsänä söz gätürmädi* (КД, 63) 'и никто не сказал ни слова'; *ki här birisi dür ola*, *jä märğän* (Ч, 8) 'каждый из которых станет жемчугом или кораллом'; *hič biri birinä žafär bulmadylar* (СМД, 166б) 'никак не могли одолеть друг друга'; *gändü kullykčylaryndan birägüji* (КД, 26) 'кого-либо из собственных слуг'.

§ 97. Слово *gändü*[5], употребляясь как прииенное определение, входит в класс прилагательных и имеет значение «собственный»: *gändü xyl'atyn gijdi* (СМД, 53а) 'надел собственный халат'. Однако это слово входит также в иной ряд — в разряд субстантивных местоимений, где выступает с выделительным значением «сам». В этом ряду оно употребляется как без аффиксов принадлежности, так и с ними, например: *här kiši kim gändüjä lājyq dägül išä girmäk istäjä* (КД, 4) 'каждый, кто захочет взяться за недостойное для себя дело'; *gändü gändülärini aldarlar* (К, 2) 'обманывают самих себя'.

В этой же функции используется местоимение *gändüz* (*gändöz*)[6] (<*gändü*+*öz*), например: *gändüzümi Mäkkädä gördüm* (СМД, 167а) 'я увидел себя в Мекке'; *bu ğümlä bälälary gändüzümüzä biz išlädük* (КД, 17) 'все эти беды мы сами себе принесли'.

Встречается также выделительное местоимение *öz* 'сам': *özinüŋ düšmāny durur* (Р, 13а) 'они сами себе враги'.

[5] М. Эргин для «Дивана» Бурханэддина Сивасского приводит *kändü* [см. 53, 309].

[6] И. Меликова читает: *kändöz* [см. 62, т. II, 310].

Определительные местоимения

§ 98. Эти местоимения с функционально-грамматической точки зрения замещают прилагательные, т. е. они, лишь указывая на признак, но не называя его, выступают как прииенные или приглагольные определения. К ним относятся *böjlä*, *šöjlä*, *äjlä*, например: *Dimna äjitdi*: *böjlädür* (КД, 8) 'Димна сказал: «[Это] так»'; *ol kiši šöjlä nūrlu kišidür* (СМД, 167б) 'тот человек — такой светлый человек'; *äjlä olsun*, *dedi* (СМД, 53б) '«Пусть будет так»,— сказал он'.

§ 99. Определительные вопросительные: *kanyk*[7], *kanky* (КБ), *kangy*, *kansy* [49, 11] 'какой, который'; *niğä*, *ničä* (*neğä*, *nečä*)[8] 'какой, как' (см. также § 100, 104). Как говорилось выше, в этот ряд входит также местоимение *nä* в значении «какой, что за» (см. § 95). Причем в текстах эти местоимения встречаются не только в вопросительных предложениях, но и в относительном употреблении, в качестве относительных слов, обусловливающих значение придаточного предложения (пример 2).

Примеры: 1) *bilmäzvän kanyk jaŋadyndur* (КД, 11) 'не знаю, с какой он стороны'; 2) *kanky kiši*, *kim bu sozdän jol vara* (СВ, II, 3) 'такой человек, который пойдет по пути, указываемому этими словами'; 3) *ničä ajyrdy javuzlardan geji* (СВ, II, 32) 'как он отделил хорошего от плохих'; 4) *sän niğä adamsyn*? (СМД, 214а) 'что ты за человек?'

Обстоятельственные местоимения

§ 100. К ним относятся вопросительные местоимения, соотносимые с наречиями, которые обозначают признак действия,— *niğä*(*si*), *nitä*(*si*) 'как', например: *bunuŋ gibi ğärb loqmajy niğäsi kojam*? (М, 6а) 'как я откажусь от такого жирного куска?'; *bu šary nitä kylalum*? (СМД, 219а) 'как мы справимся с этим городом?'; *vä Dimna jalanğylygyna vä aldamagyna nitäsi vāqyf oldy* (КД, 51) 'и как [лев] узнал о том, что Димна лжец и занимается обманом'.

§ 101. Большая группа обстоятельственных местоимений соотносима с наречиями, выражающими пространственно-временные координаты,— *kany*, *kanda* 'где, куда', *kanğa*, *kanğaru* 'куда', *kandan* 'откуда', *kačan* 'когда', например: *gäldi*, *sordy*: *Jūsuf kany*? (ЮЗ, 5) 'пришел, спросил: «Где Юсуф?»'; *kanda olursyn*? (КД, 8) 'ты где обитаешь?'; *ujkuda gör ğänuŋy*, *kanda gidär* (СВ, II, 61) 'во сне посмотри

[7] Есть мнение, что *kanyk*<*kany*+*ok* [см. 74, 140].

[8] М. Мансуроглу читает: *nečä* [60, 169]. О колебаниях согласных в этом местоимении [см. 52, 52—53; 47, 64].

за душой, куда она отправляется'; *kaŋğa varursyn?* (М, 29б) 'куда идешь?; *kaŋğaru gitmišlär?* (СМД, 27б) 'куда они ушли?'; *saŋa kandan sajrulyk?* (СВ, II, 130) 'откуда у тебя болезнь?'; *ošbu jöräjä kačan gäldüŋ?* (КД, 13) 'когда ты пришел вот в эти края?'.

Количественные местоимения

§ 102. Количественные местоимения выступают заместителями числительных. Они указывают на количество, но не называют его.

§ 103. Утвердительные количественные местоимения: *buŋğa, šuŋğa, aŋğa* 'столько, так много'. Они представляют собой результат адвербиализации форм экватива от местоимений *bu, šu, o(l)* (см. § 94): *buŋğa rühbänlary oldürmiš isin* (СМД, 82б) 'ты уничтожил так много врагов'; *šuŋğa ördäklär arasynda* (М, 27б) 'среди такого количества уток'; *aŋğa ögütlär* (М, 68а) 'так много советов'.

§ 104. Вопросительные местоимения — *niğä, ničа* (*neğä, nečä*) 'сколько', например: *ničä bu dirligä joldaš olasyn?* (Р, 13б) 'сколько ты будешь дружить с этой жизнью?'; *niğä ğänglär vä savašlar?* (СМД, 58б) 'сколько битв и сражений?'.

§ 105. Неопределенно-количественные местоимения — *bir kač, bir niğä* 'несколько', например: *bir kač 'äsī ičün* (СВ, VI, 10) 'ради нескольких бунтовщиков'; *anlaruŋ daxy bir niğäsi ḥaräkätdadur bir väğhilä vä bir niğäsi säkindür* (М, 24б) 'некоторые из них каким-то образом движутся, а некоторые пребывают в состоянии покоя'.

ПРЕДИКАТИВЫ

§ 106. Предикативы — это немногочисленный класс слов, которые не могут быть включены в состав ни одной из названных выше частей речи и которые используются и языке почти исключительно в предикативной функции [см. 3]. Типичными представителями предикативов являются слова *var* 'есть, имеется' и *jok* 'нет, не имеется', например: *däväläriläjükläri var* (СМД, 52а) 'у них есть товары и верблюды'; *hič ḥaräkäti jok dur* (КД, 3) 'он совсем не шевелится'.

ИМЕННАЯ КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

§ 107. Ряды синтетических и аналитических личных форм, в которых именные части речи и функционального именные формы выступают в функции именного сказуемого, составляют более общий грамматический ряд — именную категорию сказуемости[9]. Она включает формы: изъявительной модальности, субъективной модальности на *imiš-* и условной модальности (*isä-*).

Формы изъявительной модальности

§ 108. Настоящее время представлено рядом личных аффиксов, так называемых аффиксов 1-й категории[10].

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-män* (Руми), *-vän, -vänin, -väm* (СВ), *-(j)in, -(j)äm, -(j)im, -(j)üm*	*-vüz, -(j)üz*
2-е л.	*-sän, -sen*(?), *-sin*	*-siz*
3-е л.	*-durur, -dur*	*-durur*(*lar*), *-dur*(*lar-*)

Некоторые примеры: *'äšyqvam* (СВ, III, 6) 'я — влюбленный'; *bänvänin dopragyla su* (КД)[11] 'я — земля и вода'; *bän müflis kišijin* (М, 16б) 'я — разорившийся человек'; *bähadüram* (Р, 20а) 'я — богатырь'; *aj bigi sän sän, gün bigi sän sän* (Руми, II, 2) 'ты — как месяц, ты — как солнце'; *dōst vä karyndašsyn* (КД, 64) 'ты — друг и брат'; *zīrä kim anuŋla dur sözlär dady, daxy bir ady anuŋ raḥmän durur* (ЮЗ, 1) 'потому что с ним — сладость слов, а одно из его имен — милосердный'; *siz kör siz* (СВ, XXIV, 4) 'вы слепы'; *äxyr anlar daxy sizčiläjin adam dururlar* (СМД, 54б) 'они тоже, наконец, люди, как вы'.

§ 109. Показателем прошедшего времени выступает *(i)di*, личные формы которого совпадают с формами прошедшего категорического времени глагола (см. § 121). Он, как и другие показатели именной категории сказуемости (см. § 110, 111), или стоит отдельно, или сливается со словом, которое оформляет: *bän ol javuz sözi mälik haqqynda dedügümdä jaluŋuz sänmidüŋ* (<*sän mi idüŋ*) *joxsa daxy kimsä var idi?* (М, 59б) 'когда я произносил те дурные слова в адрес царя, только ты один был [при этом] или был еще кто-нибудь?'; *jok idi mälum tavarum* (СВ, II, 4) 'у меня не было никакого состояния'.

---

[9] О грамматическом значении личных форм, составляющих именную и глагольную категории сказуемости, см. § 166.

[10] Здесь аффиксы приводятся с гласными того же ряда, что и гласные слов (личных местоимений и глагола *dur-* 'стоять, быть, находиться'), к которым восходят эти аффиксы.

[11] Цит по: [74, 172].

Субъективная модальность

§ 110. Показатель *(i)miš-*, к которому присоединяются личные аффиксы 1-й категории, имеет модальное значение неочевидности, недостоверности факта, указания на то, что говорящий не был свидетелем события или что говорящий раньше не знал о нем, например: *ol šähirdä räsm äjlä imiš ki*... (М, 13б) 'в том городе обычай был будто бы таков, что...'; *gökğäk ögätlärüŋ varimiš* (М, 6б) 'оказывается, у тебя есть прекрасные советы'.

Условная модальность

§ 111. Условная модальность образуется с помощью показателя *(i)sä-*, личные формы которого совпадают с формами условного наклонения глагола (см. § 133), например: *niğämä bän sänüŋ bu išüŋä muxälif isäm* (КД, 8) 'несмотря на то, что я против этой твоей затеи'; *imdi išit bu sözi varsa* (<*var isä*) *ğänuŋ* (ЮЗ, 2) 'послушай теперь эти слова, если у тебя есть желание'.

§ 112. Отрицание при именном сказуемом выражается с помощью частицы *dägül* (см. § 161, пример 6).

Показатель (i)kän

§ 113. С помощью показателя *(i)kän* образуется форма именного грамматического предиката словосочетаний с обстоятельственно-временны́м значением «когда» (см. § 173), например: *uslu ikän dälüväm* (СВ, III, 6) 'я безумец и тогда, когда я сохраняю разум'; *hīč ḥāğäti jog ikän* (КД, 42) 'когда [в войне] нет никакой необходимости'; *Mälik bir geğä jaturkän*... (СМД, 51б) 'когда однажды ночью Мелик спал...'.

Последний пример показывает возможность показателя *(i)kän* сочетаться с теми из глагольных форм, которые имеют именной характер.

ГЛАГОЛ

Залоги

§ 114. Под залогами здесь понимается ряд синтетических глагольных форм, которые передают взаимоотношения между действием и связанными с ним предметами (о значении каждого залога в отдельности см. §§ 115—117).

Глагольная форма, имеющая нулевой залоговый показатель, рассматривается как форма основного залога.

§ 115. Показатель взаимного залога *-(y)š* указывает

на некое множество производителей действия или участников события: *'avratuŋ xyşymlary dergäšdilär* (КД, 17) 'собрались родственники жены'; *Mälik vä sünnīlär erdilär, ğäng etdilär, karyšup qal'äjä girdilär* (СМД, 52а) 'Мелик и сунниты подоспели, сразились и, смешавшись [с противником], ворвались в крепость'.

§ 116. Продуктивные показатели понудительного залога: *-dur, -dar, -ar, -ur, -(y)t*. Он служит для передачи таких отношений, когда один участник ситуации побуждает другого к совершению действия, выражаемого исходной основой, например: *hämän ol oduny jandurdylar* (СМД, 61а) 'они тотчас разожгли те дрова'; *arslan andan jüz döndärdi* (КД, 54) 'лев отвернул от него лицо'; *sini andan koparur čarx-y dävrān* (Ч, 17) 'тебя оторвет от него круговорот судеб'; *bāṭyly ḥaq jerinä gäčürä* (КД, 7) 'ложное представит как истинное'; *čäriji dagytdylar* (СМД, 99б) 'они рассеяли войско'.

Реже встречается также аффикс *-gur*: *anlary... sijäsätä durgurdylar* (СМД, 100а) 'их... выстроили для казни'.

§ 117. Возвратно-страдательный залог образуется при помощи аффиксов *-(y)n, -yl*. Последний аффикс часто встречается с губными гласными. Эти варианты — следствие ассимиляции гласного аффикса губными гласными основы. Возвратно-страдательный залог является морфологическим средством передачи следующих обобщенных ситуаций:

1) ситуации, в которой производитель совершает действие, затрагивающее его самого непосредственно (прямовозвратное значение): *oldur kim öginä* (КД, 43) 'тот, который хвастается'; *ätägüm dut, käsilmä, bindän sän* (СВ, I, 26) 'держись за меня, не отделяйся от меня'.

2) ситуации, в которой совершаемое субъектом действие представляет собой изменение его состояния: *emdi ojan!* (Ч, 13) 'теперь проснись!'; *ačyla gözläri* (СВ, II, 2) 'раскроются его глаза';

3) ситуации, когда предмет мысли является прямым объектом действия, производитель которого или устранен, или дополнительно вводится в ситуацию (страдательное и неопределенно-личное значение): *isdänän näsnä* (КД, 6) 'нечто желаемое'; *ma'ṣūmlar kyrylmyšdur väbädan* (Ч, 50) 'невинные уничтожены мором';

4) ситуации, в которой производитель совершает действие в своих интересах, для себя (косвенно-возвратное значение): *bir agač üzärindä maqām edinmišidi* (КД, 19) 'устроил себе жилище на одном дереве'; *Mälik dury gäldi silāḥ gijdi kylyč kušandy* (СМД, 51б) 'Мелик быстро поднялся, надел доспехи, опоясался мечом' (букв. 'опоясал себе меч').

К. Броккельман зарегистрировал также глагольные формы на *-yk* (*basyk-* 'быть побежденным', *synyk-* 'быть разбитым'), которые он называет квазипассивом [49, 15].

Отрицательная форма

§ 118. Аффикс *-ma*, присоединяясь к глагольной основе после залоговых показателей, образует отрицательную форму глагола: *zinhār any ḫaqdan ajru sanmagyl* (СВ, II, 108) 'смотри, не думай о нем в отрыве от бога'.

Глагольная категория сказуемости

Наклонения

§ 119. Материал позволяет выделить следующие наклонения как специальные глагольные формы, служащие для выражения модальности: изъявительное, повелительное, желательное, условное, сослагательное.

Изъявительное наклонение

§ 120. Изъявительное наклонение «служит для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем» [6, 462]. Оно имеет нулевой морфологический показатель и представлено разветвленной системой временны́х форм, некоторые из которых способны выражать отдельные модальные значения. Некоторые личные формы изъявительного наклонения представляют собой формы именной категории сказуемости соответствующих глагольных имен [ср. 4, 414], обладающих временно́й семантикой (см. § 128).

Простые временные формы

§ 121. Личные формы прошедшего категорического:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-dum*	*-duk*
2-е л.	*-duŋ*	*-duŋuz*
3-е л.	*-dy*	*-dylar*

Это была явно господствующая форма прошедшего времени, которая лишь указывала, что действие имело место в прошлом, например: *sajru oldum, gälmädüŋ, dedügüm sözi ḫisāba almaduŋ* (СВ, II, 131) 'я заболел, ты не пришел, не внял словам, которые я сказал'; *čūn geğä oldy üčümüz varduk dizdār katyna; čūnki gäldük dizdār bujurdy, qal'ä kapusyn ačdylar* (СМД, 160а) 'когда наступила ночь, мы втроем отправились к начальнику крепости; когда мы пришли, он приказал, [нам] открыли ворота'; *xūb bujurduŋuz, dedilär* (СМД, 50а) '«Вы хорошо распорядились»,— сказали они'.

§ 122. Личные формы прошедшего времени на *-myš* представляют собой формы сказуемости (см. § 107, 108) глагольного имени на *-myš*, которое в этой функции входит в ряд временны́х форм. В этом времени можно усмотреть перфектное значение, т. е. указание на то, что действие совершено в прошлом, до момента речи, но его результат присутствует в настоящем [ср. 35, 6] (примеры 1, 2, 5). Наряду с этим значением часто проявляется значение неочевидности, т. е. указание на то, что говорящий не был участником этого действия (примеры 3, 4, 6).

Примеры: 1) *vä bän bilürvän kim ošbu bälājy bän äkmišvän* (КД, 60) 'и я знаю, что вот эту беду посеял я'; 2) *häm bän daxy armyšam* (М, 2б) 'к тому же я устал'; 3) *kurd äjitdi: nädür nä ḫālä girmiš sin?* (М, 2а) 'волк сказал: «Что это, в какое положение ты попал?»'; 4) *ujandum, gördüm ki ṣabāḫ* olmyš (СМД, 159б) 'проснулся, вижу — наступило утро'; 5) *varalum, ävümüzdä o kumašlar, kim gömmišüzdür, čykarup daxy qal'äjä gätürälüm* (СМД, 159б) 'пойдем, достанем те ткани, которые мы закопали в нашем доме, и перенесем их тоже в крепость'; 6) *gördi kim bir dägirmän kapusynda bir äšäk durur, arkasyndan agyr jük indürmišlär* (М, 2б) 'он увидел, что у дверей одной мельницы стоит осел, с его спины сгрузили тяжелый груз'.

§ 123. Форма на *-(j)a* в ряду временны́х форм выражала «непрошедшее действие с неразличением плана настоящего и будущего в самой форме», но «не содержала в себе указания на реализацию действия, поэтому настоящего актуального, т. е. совпадающего с моментом речи, она не передавала» [11, 89—90; ср. 12].

Личные формы:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-(j)am, -(j)avan, -(j)avam, -(j)avum, -(j)aman*	*-(j)avuz, -(j)ajuz*
2-е л.	*-(j)asyn, -(j)a sän* [12]	*-(j)asyz*
3-е л.	*-(j)a*	*-(j)alar*

[12] Эволюция этого показателя *sän>sen(?)>sin* дает основание думать, что он едва ли имел вариант *-san*.

Примеры: *häm sän görä sän bini, eldän varavam bir gün, jolda oturam ğänsuz, kan aglajavam bir gün* (в одной из рукописей: *kan aglajavum bir gün* [60, 141]) (СВ, VIII, 1) 'и ты увидишь меня, когда-нибудь я уйду из страны, буду сидеть безжизненный на дороге, буду плакать кровавыми слезами'; *bu išdä dapuŋdan čok münnätdär olavan* (КД, 16) 'я буду тебе очень благодарен за твою услугу в этом деле'; *bir ulu dagdan kim az az alasyn dopragyndan, ol dagy boš kylasyn* (КД, 2) '[если] ты будешь брать понемногу земли с большой горы, ты сделаешь ее пустой'; *čün siz daxy na'rä äväzyn išidäsiz, baŋa mädädä erišäsiz* (СМД, 91а) 'когда вы услышите крик, поспешите мне на помощь'; *här vaqt kim iki dost bir javuz kiši araja girmägilä mübtälä olalar, läğiräm kim ol iki dost arasyna ajrulyk düšä* (КД, 1) 'всегда, когда [отношения] двух друзей претерпевают вмешательство дурного человека, обязательно между этими двумя друзьями возникает ссора'.

§ 124. Форма на *-ur, -ar, -r* [11, 91—95]. Основа в отрицательном аспекте — *-maz*. Личные формы — формы настоящего времени именной категории сказуемости (см. § 108). «Как и для формы на *-(j)a*, основным временны́м значением (этой формы. — *В. Г.*) было выражение действия „непрошедшего", в самой форме план настоящего и будущего не различался, возникая каждый раз в определенной ситуации» [11, 95]. Однако в отличие от формы на *-(j)a* форма на *-ur* обладала способностью «в определенных позициях, при наличии обстоятельственных слов или общего контекста передавать действие актуальное, реализующееся или реализуемое в момент сообщения» [11, 95].

Примеры: *Jüsuf äjidär: dönmäzäm* (ЮЗ, 5) 'Юсуф говорит: «Не пойду назад»'; *sinüŋ älüŋdän män jarguja barur män* (Руми, VI, 5) 'из-за тебя я предстану пред судом'; *vallähi šäd olmazvanyn* (КД, 24) 'клянусь Аллахом, я не радуюсь'; *geğä any bašum altynda komajynğa diŋlänmäzin vä pärišän düšlär görürin* (М, 6а) 'по ночам не отдыхаю и вижу несвязные сны, пока не положу ее (книгу) под голову'; *ničün ussuŋy dermäz sän sän, e ğän?* (Ч, 14) 'почему ты не берешься за ум, о дорогой?'; *biz Rumdan gälürüz* (СМД, 51б) 'мы идем из Рума'.

§ 125. Форма на *-(j)ysar*. Личные формы образуются с помощью личных аффиксов 1-й категории (см. § 108). Эта форма употреблялась только как временная основа, указывающая на то, что действие, которое «предстает всегда независимым от воли говорящего или каких-либо других внешних условий» [11, 96], произойдет в будущем.

Примеры: *sizä bir kač ögüt verisärvän* [КД; 74, 171] 'я дам вам несколько советов'; *šol gülistän kim ičindä kalmajysarsyn äbäd* [КД; 74, 171] 'тот цветник, в котором ты не останешься навечно'; *ḥaq säni sulṭän kylysar kamuja* (ЮЗ, 2) 'господь сделает тебя султаном над всеми'; *vä on üč äjät münäfyqlary vasf edisärdür: birisi budur kim jaxšy zysaruz* (К, 1) 'и тринадцать стихов расскажут о двуличных: один из этих стихов тот, который мы [сейчас] напишем'; *qyjämätdä älbättä sorylysarsyz* (К, 39—40) 'в день Страшного суда вас, конечно, спросят'.

Сложные временны́е формы

§ 126. Группа сложных форм образуется путем прибавления к формам простых времен показателя *(i)di*. Личные аффиксы находятся чаще при показателе *(i)di*, реже — при временно́й основе. В семантическом плане происходит смещение точки отсчета времени в плоскость прошедшего [см. 35, 13].

От времен на *-dy* и *-myš* образуются формы со значениями предпрошедших времен, причем образования с *-myš* сохраняют, по-видимому, перфектный характер[13], например: *äjlä kim gördi idi äjitdi düšin* (ЮЗ, 3) 'он рассказал свой сон так, как он его видел'; *bir gäz čältük ekdüm idi* (М, 3б) 'однажды я посеял рис'; *ol dagy tamäm nür gördüm, jetmiš biŋ firištä ol dag jöräsindä durmyš idi* (СМД, 167а) 'ту гору я увидел всю из света, вокруг горы собрались семьдесят тысяч ангелов'.

Образования от форм на *-(j)a* и *-(j)ysar* выражают модальные значения и рассматриваются в настоящей работе как сослагательное наклонение (см. § 135).

Образование *-ur+dy* в силу способности формы на *-ur* передавать как действия возможные, потенциальные, так и действия реализующиеся, актуальные входит в два ряда — в ряд наклонений (см. § 135) и в ряд времен индикатива. В ряду времен оно имеет широкий круг значений в диапазоне от действия, происходившего в конкретный момент (пример 1), до действия, длившегося или повторявшегося в течение длительного времени в прошлом (пример 2), ср. [57, 333; 35, 14].

Примеры: 1) *järänlar ki dašra dururlardy anlara ḥamlä kyldylar* (СМД, 92а) 'сподвижники [Данышменда], которые [в то время] находились снаружи, атаковали их'; 2) *anda üč rühbän olurlardy, pärhīzgärlaridi, häftädä bir gäz iftär kylurlardy* (СМД, 58б) 'там жили три монаха, они были аскетами, говели один раз в неделю'.

---

[13] Ср. значение древнеуйгурской формы *-мыш+ärdi* [35, 13].

§ 127. Сложные формы образуются также путем наращения к формам простых времен показателя *-(y)myš*. В этих редко встречающихся образованиях усилены, по мнению З. Клейнмихель, значения сомнения, заглазности, неочевидности [57, 336—337, 340—341], например: *Bābil vilājätindä rāsm äjlājidi ki pādišāhlyk vä gerü 'azl etmäk ra'ijjät ālindā olurimiš* (М, 45а) 'в Вавилоне обычай был таков, что возведение на трон и низложение падишаха было в руках подданных'; *āgär ol vaqit ki pādišāhlyk taxtyna gäčdüm, ixtijāry mās'ūd vä ittiṣāli maḥmūd burğy ṣābitdäjikän taxta gāčmiš imišäm* (М, 45а) 'если тогда, когда я взошел на царский трон, был устойчивый Зодиак, благоволение которого было счастливым, а соединение звезд — заслуживающим хвалы, если я, по всей вероятности, в такое время сел на трон...'.

Формы, тяготеющие к системе времен индикатива

§ 128. Формы времен изъявительного наклонения образуют совершенно определенный грамматический ряд. Однако некоторые члены этого ряда и на синхронном срезе обнаруживают тесную связь с другими рядами, например с наклонениями, в частности форма на *-(j)a* (см. § 123 и 132), с глагольными функционально-именными формами (см. § 138). Так, времена на *-myš* и на *-ur* способны образовывать формы отрицательного аспекта не только синтетические (с *-ma*), но также и аналитические (с *dägül*), например: *äjitmiš dägülvän* (КД, 34) 'я не сказал'; *ol išdän durur dägüldür* (КД, 44) '(они) не оставляют это дело'.

Если синтетический способ образования отрицательного аспекта свидетельствует о принадлежности названных основ к ряду личных форм, аналитический способ указывает на их близость к ряду неличных форм глагола.

О том, что формы на *-myš* и на *-ur* еще не перестали быть формами сказуемости глагольных имен, свидетельствует, возможно, и их способность употребляться в 3-м лице со связкой *dur(ur)*, например: *dirīgā, čarxuŋ ālindän häzārān, ki kylmyšdur mu'aṭṭal bunča kārān* (Ч, 1) 'увы, [есть] тысячи таких, которые по воле судьбы забросили множество дел'; *šol kišilär kim ögüt dutmaz vä söz diŋlämäzdür* (КД, 44) 'те, которые не принимают совета и не прислушиваются к тому, что им говорят'.

С другой стороны, некоторые глагольные имена, особенно такие, которые имеют временну́ю семантику [*-(j)asy, -(j)aǧak*], спорадически в сказуемостном употреблении выражают времена индикатива [ср. 49, 16—17; 11, 96—99], например: *ajruk kušlaruŋ pādišāhy olasy dägülsin* (КД, 41) 'ты больше не будешь царем птиц'; *katumuz anuŋ žulmy odyndan göjinäsivüz*[14] (КД, 41) 'мы все сгорим от огня его жестокости'; *bilmäzüz ki här bir kiši nä edäǧäkdür* (М, 46а) 'мы не знаем, что сделает каждый в отдельности'.

§ 129. Конструкция, образуемая деепричастием на *-(j)up* в сочетании с глаголом *dur-*, также может рассматриваться во многих случаях как одна из временны́х форм индикатива с ярко выраженным перфектным значением. Глагол *dur-* в этих образованиях употребляется в форме на *-ur* и способен присоединять личные аффиксы. В ряде случаев в 3-м лице *dur(ur)* выступает просто как связка, что подчеркивается использованием фонетически трансформированного варианта *dur*, например: *bän ol davšanǧyl pādišāhlygyn vä kärämin čok išidüp dururyn* (М, 64б) 'я много раз слышал о царственности и благородстве этого беркута'; *saŋa ni'mät verüpdür bīnihäjät, xusūsā, kim kylupdur āhl-i īmān* (Ч, 6) 'он дал тебе бесконечное множество благ, особенно то, что сделал тебя верующим'.

§ 130. Конструкции, состоящие из деепричастий на *-(j)a, -(j)y, -(j)u* и глагола *dur-* или глагола *jory-/joru-* (или *jüri-/jürü-*?) 'идти', выражают конкретное действие, длящееся непрерывно, как единый процесс[15], например: *görü durur här nä kylsavuz günāh* (ЮЗ, 1) 'он видит [любой] грех, какой бы мы ни совершили'; *bu dükälin zāhid görä dururdy vä išidürdi* (КД, 16) '[в это время] отшельник все это видел и слышал'; *jol äränläri göčüp jola girdi, dögä joryr äxyr dünbäki särvān* (Ч, 12) 'соратники, отправившись в дорогу, стали на путь истины, караванщики бьют в последний барабан'.

Повелительное наклонение

§ 131. Повелительное наклонение, выражающее просьбу, предложение или приказание говорящего, образуется с помощью следующих аффиксов.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	—	—
2-е л.	*-ø, -gyl*	*-(u) ŋ(uz)*
3-е л.	*-sun*	*-sunlar*

[14] А. Зайончковский в транскрипции заменил эту форму формой *göjinävüz*.

[15] Как известно, именно конструкция с *jory-* развилась в современную турецкую форму на *-(i)yor*, которая является теперь одной из употребительных временны́х форм индикатива.

Примеры: *varma, ja Jūsuf, döngil* (ЮЗ, 5) 'не ходи, о Юсуф, вернись'; *toxmuŋ kurusun* (СМД, 49а) 'пусть высохнет твое семя'; *bu ärüŋ burnyn käsüŋ* (КД, 17) 'отрежьте этому человеку нос'; *zaḫmät görmäŋ* (КД, 44) 'не трудитесь'; *silāḫ verüŋäz* (СМД, 55а) 'дайте оружие'; *čäri Dokijjadan jaŋa ravānä olsunlar* (СМД, 50а) 'пусть войско идет к [крепости] Докия'.

Желательное наклонение

§ 132. Форма на *-(j)a*, одна из наиболее часто встречающихся в памятниках глагольных форм, по-видимому, входила по меньшей мере в два грамматических ряда — в ряд наклонений и в ряд времен изъявительного наклонения (см. § 123). В ряд наклонений ее ставит способность выражать модальные значения волеизъявления, намерения, желания, заинтересованности говорящего в том, чтобы совершилось передаваемое глаголом действие. Названные значения сближают это наклонение с повелительным. Есть мнение [12, 28—35; 57, 307—312], что личные формы наклонения на *-(j)a* отличаются от форм времени на *-(j)a* в 1-м лице обоих чисел, причем наклонение имеет следующую парадигму спряжения:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-(j)ajyn, -(j)ajym, -(j)ajum*	*-(j)alum*
2-е л.	*-(j)asyn*	*-(j)asyz*
3-е л.	*-(j)a*	*-(j)alar*

Часто бывает трудно решить, имеем ли мы дело с наклонением или временем.

Примеры: *saŋa bir kač ögütlär väräjin bän* (Ч, 8) 'я хочу дать тебе несколько советов'; *ägär dastūr olursa bän varajym* (СМД, 93б) 'если будет на то разрешение, я хочу пойти'.

В приводимом ниже отрывке можно усмотреть различение 1-го лица наклонения и времени. Последнее представлено формой *bulajuz*: *bujurdy kim... čäri Dokijjadan jaŋa rävānä olsunlar, kim ol maqāmy islāmčūn ačalum, ivmäjälūm; dušmānisä kačdy genä bulajuz* (СМД, 50) 'он приказал: пусть войско отправляется к Докии, давайте завоюем этот район для ислама и не будем торопиться, а противника, [который] бежал, снова отыщем'.

Форма желательного наклонения употреблена здесь в одном контексте с формой другого волеизъявительного наклонения — повелительного.

Условное наклонение

§ 133. Условное наклонение представлено формами глагола, которые прежде всего выражают действие, являющееся условием совершения другого действия.

Формы настоящего времени условного наклонения образуются путем присоединения к основе глагола аффикса *-sa*, снабженного личными показателями.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*-sam*	*-savuz*
2-е л.	*-saŋ*	*-saŋuz*
3-е л.	*-sa*	*-salar*

Примеры: *ägär ma'qūl sözi išitmäsäm inğinäsin* (М, 35а) 'если я не послушаюсь умного слова, ты обидишься'; *sän daxy kimsä istäsäŋ 'ajb olmaja* (М, 14а) 'если и ты кого-нибудь хочешь, [в этом] нет стыда'; *kimi čalsa akydur kanyn älän* (СМД, 163б) 'кого ударит — тотчас пускает ему кровь'; *här nä kylsavuz günäh...* (ЮЗ, 1) 'какой бы грех мы ни совершили'...

Прошедшее время образуется путем употребления формы на *-sa* с показателем *idi* (см. § 109), который фонетически сливается с аффиксом *-sa* в единый комплекс *-sajdy*, например: *türkčä bilsäjdüm* (СВ, II, 97) 'если бы я знал по-тюркски'; *bir gäz ošböjlä äjläsäjdi* (М, 68а) 'если бы он хоть раз сделал бы вот так'.

Условная модальность глагольного сказуемого

§ 134. Глагольные имена (см. § 138—157) в предикативном использовании способны выступать в категории условной модальности именного сказуемого (см. § 111). Однако те из них, которые одновременно используются в языке и как основы времен индикатива, придают формам этой категории более глагольный характер и позволяют выделить как особую категорию условную модальность глагольного сказуемого. В нее оказываются вовлеченными не только временны́е основы, имеющие именной характер (например, *-ur*), но и основы, которые в синхронном плане не имеют никакого отношения к глагольным именам (например, *-dy*): *bāṭyly ḫaq kylurysam* (КД, 7) 'если я представлю ложное как истинное'; *naṣīḫat dutar isäŋ diŋlä sözüm* (Ч, 7) 'если ты следуешь советам, выслушай мои слова'; *išitdüŋ isä* (Ч, 4) 'если ты услышал'.

Сослагательное наклонение

§ 135. Под сослагательным наклонением здесь понимается группа сложных глагольных форм, выражающих действие ирреальное, которое могло бы совершиться, но либо уже, либо еще не совершилось. Именно несоответствие выражаемого этими формами действия реальной действительности не позволяет отнести их к формам индикатива [ср. 35, 14, пункт 5].

Типичными представителями этого наклонения являются образования: *-(j)a+dy*, *-(j)ysar+dy*. Форма *-ur+dy* рассматривается как входящая в два ряда — в ряд времен индикатива (см. § 126) и в ряд форм сослагательного наклонения: *käškä bändän bir iš gäladi vä bir kullyga jarajadum* (КД, 64) 'о, если бы от меня была польза и я оказался бы пригодным для какого-либо рода службы'; *süŋüji la'ïn diladi kim ḫavälä kylajdy* (СМД, 49а) 'проклятый хотел бросить копье'; *ägär bu iši bilmäk diläjälar bän gizlämäjisärdüm* (М, 57б) 'если они захотели бы знать об этом деле, я бы не утаил'; *ägär bän böjläjidügin bilsäm bir gäzdän gälüridüm* (М, 6а) 'если бы я знал, что это так, я тотчас же пришел бы'.

Формы, выражающие модальности возможности и невозможности

§ 136. Форма возможности — это аналитическая конструкция, состоящая из деепричастия на *-(j)a*, *-(j)y*, *-(j)u* и глагола *bil-* 'знать' и несущая информацию о способности или умении субъекта совершить действие, например: *nitä sälamät olu bilä šol kiši kim gändü näfsinä mälik olu bilmäjä* (КД, 32) 'как может пребывать в благополучии человек, который не умеет быть господином над самим собой'.

§ 137. Форма невозможности в описываемом языке выступает как синтетическая форма, служащая для выражения невозможности, неспособности или неумения субъекта совершить действие. Она представлена показателями *-(j)yma*, *-(j)uma*, *-(j)ama*: *dirïgä, sän säni hïč bilimädüŋ, niğä kulsyn ki kullyk kylymaduŋ*? (Р, 14б) 'увы, ты совершенно не смог познать себя, какой же ты раб, если не сумел служить?'; *hïč kimäsnä 'azäba ṣabr äjläjämäz olur* (КД, 46а) 'никто не оказывается в состоянии выдержать мучение'; *šöjlä kim bärü üstindä barmak göstärämäzlärdi* (СМД, 218б) 'так что не могли [даже] пальца показать на крепостной стене'.

Глагольные функционально-именные формы

§ 138. Для тюркского глагола характерна богатая система именных форм, которые, представляя действие как признак или предмет, функционально близки именным частям речи (подробнее см. [17]). В зависимости от того, какую из этих частей речи «дублируют» глагольные именные формы, их можно разделить на четыре группы: 1) глагольные субстантивы (или имена действия); 2) глагольные атрибутивы (причастия); 3) субстантивно-атрибутивные формы; 4) обстоятельственные формы (деепричастия).

Глагольные субстантивы (имена действия)

§ 139. Глагольные субстантивы функционально близки именам существительным, что проявляется в их способности выступать во всех грамматических категориях этой части речи, кроме, по-видимому, категории числа. Для староосманского характерны имена действия с показателями *-mak* и *-maklyk*, например: *ölüm bir kapudur gäčmäk gäräkdür* (Ч, 60) 'смерть — врата, [через которые] надо пройти'; *mäliklära jakynlyk istämägüŋ fä'idäsi* (КД, 4) 'польза от желания близости к царям'; *ägär ošbu kïni alyvermäkdä dürišmäklik göstärmäzisäŋ* (КД, 41) 'если ты не проявишь усердия, чтобы быстро отомстить вот за это'; *anuŋ bilgäliginä vä zïräkliginä vä čok aŋlamaklygyna arslanuŋ ynanmagy artdy* (КД, 13—14) 'усилилась вера льва в его мудрость, сообразительность и высокую понятливость'; *äčünğüsi — äxirät müzdinä ermäkdür* (КД, 1) 'третье, [к чему стремятся],— добиться вознаграждения в загробном мире'; *vä lïkin bänüm kurtylmaklyguma tädbïr nitä bilürsin*? (КД, 18) 'однако какое средство для моего спасения ты знаешь?'.

Глагольные атрибутивы (причастия)

§ 140. Глагольные атрибутивы функционально близки именам прилагательным, что проявляется в их способности выступать в синтаксических функциях прилагательного, прежде всего в качестве приименного определения и предиката. В семантическом плане для них характерно представление действия, совершаемого производителем, в качестве признака. При глагольных основах действительного залога они характеризуют определяемое как производителя действия. Именно наличие «агентивного значения» [25, 137] отличает, по-видимому, эти формы от субстантивно-атрибутивных форм (см. § 146). Особенно ярко агентивное зна-

чение выступает в причастиях в случае их субстантивации, например: *jaradan* (Ч, 25) 'господь, творец'.

§ 141. Причастие на *-myš* выражает состояние, являющееся результатом какого-либо действия, например: *ästr olmyš kiši sin ničä jyldan* (Р, 16а) 'вот уже столько лет ты — плененный человек'; *ičindä dili mäjxänäda şoḥbätči karšusyna asylmyš mäflis mäjxöra bäŋzärdi* (СМД, 54б) 'язык внутри него (колокола) был похож на промотавшегося пьяницу, подвешенного в пивной перед посетителями'.

§ 142. Причастие на *-ur* (и т. д.), *-maz* (отрицательная форма) называет в качестве признака действие или состояние, имеющее место в плоскости настоящего или будущего времени, например: *zirä bilür kišinüŋ düšmanlygy bilmäz kišinüŋ döstlygyndan jegdür* (М, 6б) 'потому что враждебность знающего человека лучше, чем дружба невежественного человека'; *kačar gibi olalum* (СМД, 55а) 'давайте сделаем вид, что мы убегаем' (т. е. уподобимся убегающему).

§ 143. Причастие на *-(j)an* называет в качестве признака действие, происходящее в той же временно́й плоскости, что и событие, которое является содержанием высказывания, например: *täŋriji görän kiši gözlär ačar* (СВ, II, 87) 'у человека, видящего бога, раскрываются глаза'; *andan ol xalīfä ičün konan maly verbidilär* (СМД, 49б) 'затем они послали тот товар, отложенный для халифа'; *diŋläjänüŋ gidä göŋli guşşasy* (ЮЗ, 2) 'у слушающего проходит сердечная тоска'.

§ 144. Употребление причастия на *-(j)yğy* подчеркивает идею, что совершение действия или пребывание в состоянии, которые выражаются исходной основой, является присущим производителю свойством, его особенностью. Исследователи обычно называют эту форму именем деятеля (nomen agentis), например: *jol göstäriği 'aql üzärinä šol aldajyğy ḫyrşy gälib äjlämäjä* (КД, 7) '[каждый, кто] не даст той обманчивой алчности одолеть разум, указующий путь'; *ol kitāb ḫādīdür ḫidājät veriğidür muttaqīlärä* (К, 1) 'та книга — ведущая прямым путем, дающая благочестивым руководство на пути истинной веры'.

§ 145. С помощью аффикса *-(y)lu, -lu* образуются причастия со страдательным значением. Они характеризуют предмет с точки зрения состояния, в котором он оказался в результате действия, передаваемого исходной основой, например: *šöjläkim 'aqräbüŋ šol ägri kujruguny dogry kylup čok sararlarisä vä any dogry äjlämäk ičün čok sarylu vä baglu dutarlarisä, — äxyr čün ačalar gerü aşlyndagy qarāryna varur, ägri olur* (КД, 29) 'так же, как если кривой хвост скорпиона распрямляют и крепко завязывают и, чтобы сделать его прямым, долго держат обмотанным и завязанным, то в конце концов, когда его развязывают, он снова принимает свое естественное положение, становится кривым'; *bu äjät jazylujdy ol 'alämdä* (СМД, 50б) 'этот стих был начертан на том знамени'.

Глагольные субстантивно-атрибутивные формы

§ 146. В отличие от глагольных атрибутивов субстантивно-атрибутивные формы не несут в своем грамматическом значении информации о производителе действия. Агентивное значение у них отсутствует. Они представляют в качестве предмета или признака лишь само действие. В субстантивных функциях они близки к глагольным субстантивам, отличаясь от них, однако, большей «глагольностью», проявляющейся в том, что эти формы способны выражать временны́е значения. В отличие от атрибутивов они в этих функциях обозначают не деятеля, а лишь факт совершения самого действия. В атрибутивных функциях они сближаются с атрибутивами, характеризуя предмет как имеющий отношение к действию, но характер этого отношения они оставляют не выраженным. Выражение субъекта действия при необходимости достигается при атрибутивном или субстантивном использовании этих форм средствами категории принадлежности, при предикативном — с помощью аффиксов сказуемости.

§ 147. Форма на *-duk* — наиболее употребительный представитель этого грамматического ряда. Выражает действие прошедшее или настоящее. Ее характерной особенностью является преимущественное употребление в формах категории принадлежности.

Использование этой формы вне категории принадлежности носит реликтовый характер. Здесь она выступает в атрибутивной или, совсем редко, в предикативной функции и всегда в отрицательном аспекте, например: *iš görmädük kišiläri... ulaltmak* (КД, 10) 'возвеличивать... не занимающихся делом людей'; *ol xabär kim gälmädükdür dillära* 'известие, о котором не заговорили' [49, 18].

В формах категории принадлежности и склонения (последние могут уточняться послелогами) форма на *-duk* обладает универсальной синтаксической функциональностью, обнаруживая способность выступать в качестве любого члена предложения: подлежащего (пример 1), сказуемого (2), определения (3), прямого дополнения (4), косвенного дополнения и обстоятельства (5, 6). Аффиксы принадлежности при форме на *-duk* выполняют роль показателей лица — производителя действия. Распространенные члены предложения, вводимые формой на *-duk*, играют в языке

ту же роль, что и многие придаточные предложения индоевропейских языков.

Примеры: 1) *bu iši išladūgūm—ögüt dägüldi və Dimnajy aŋa veribidūgūm — uz dägüldi* (КД, 11) 'то, что я сделал это, не было по доброму совету, и то, что я послал Димну к нему, не было разумно'; 2) *xalifä verdügijidi ol 'alämlär* (СМД, 505) 'те знамена были тем, что дал халиф'; 3) *äjidäjim ol gördügüm düši saŋa* (ЮЗ, 2) 'я расскажу тебе тот сон, который я увидел'; 4) *här birisi gördügini söjlädi* (СМД, 227б) 'каждый из них сказал то, что увидел'; 5) *sa'äl äjläjisärlär etdügüŋdän* (Ч, 34) 'спросят о том, что ты сделал'; 6) *päs tamäm ynamlyk bärkidügindän soŋra ol kim išitmiš idi äjdi verdi* (КД, 52) 'затем, после того как [у него] полностью окрепло доверие, он быстро пересказал то, что слышал'; 7) *dilädügüŋgä ḥaq versün murädunŋ* (СМД, 244а) 'пусть господь исполняет твои желания так, как ты хочешь'.

§ 148. Форма на *-(j)asy* [ср. 34] выражает действие, которое может или должно произойти в будущем. Используется как в атрибутивной функции (пример 1), так и в субстантивных функциях (2, 3). Вне категории принадлежности склоняется как имя с аффиксом принадлежности 3-го лица, т. е. согласным *-n-* перед падежными аффиксами. Встречается также в формах категории принадлежности с аффиксами 1-го и 2-го лица (примеры 4, 5) и в таком употреблении отличается от формы на *-duk* только тем, что имеет иное временно́е значение (см. также § 128).

Примеры: 1) *Dimna äjitdi: färägatda xalvätdä dejäsi sözdür* (КД, 25) 'Димна сказал: «[То, о чем я хочу говорить], такое, что можно сказать в спокойном состоянии, наедине»; 2) *by jurd äldän čykar, ol älä giräsi ma'lūm dägül* (М, 41б) 'эта страна выскользнет из рук, и неизвестно, попадет ли она в руки [снова]'; 3) *bälä nädän gäläsin aŋlardy* (М, 58а) 'он понимал, откуда придет беда'; 4) *vä kalan dejäsüm sözlärä xalvät gäräk* [КД; 74, 175] 'а остальные слова, которые я скажу, требуют уединения'; 5) *daxy ničä gidäsimüz bilmäzäm* [СН; 47, 124] 'не знаю, как нам надо идти дальше'.

§ 149. Форма на *-(j)ağak* тоже имеет значение будущего времени и функционирует так же, как предыдущая форма (см. также § 128), например: *gäläğäk näsnä gälür* (Ч, 58) 'то, что должно наступить, наступит'; *varağak jerüŋ olur, bil, ki nīrän* (Ч, 38) 'знай, что место, куда ты пойдешь, есть ад'; *vä ğämlä išlärdä bänüm sygynağagum anuŋ räjy vä tädbīri vä šäfaqaty vä naṣīḥaty birläjidi* (КД, 63) 'и во всех делах то, что должно было служить мне прибежищем, появлялось благодаря его мыслям, замыслам, сочувствию и советам'.

§ 150. Обстоятельственные формы глагола функционально близки к наречиям. В предложении они выступают в качестве обстоятельства и представляют собой морфологическое средство выражения отнесенности какого-либо действия к другому действию. Реальные взаимоотношения между действием, выражаемым деепричастием, и действием, выражаемым глагольной формой, к которой относится деепричастие, могут быть самыми разнообразными: деепричастие может выступать как обстоятельство времени, условия, причины, цели, выражать действие, которое характеризует другое как его качество, свойство, специфику; наконец, действие, передаваемое деепричастием, может относиться к другому как равноправное (сочиненное) или как неравноправное (подчиненное) и т. д.

§ 151. Деепричастие на *-(j)up, -(j)uban, -(j)ubany, -(j)ubanun, -b*, по-видимому, обладало способностью передавать любое соотношение между действиями, и его грамматическое значение следует поэтому определить как отнесенность одного действия к другому [ср. 26, 188], например: *jol äränläri göčüp jola girdi* (Ч, 12) 'соратники, отправившись в дорогу, стали на путь истины'; *Mälik pädišäh ämriilä Dokijjadan jaŋa naqārä urup jorydylar* (СМД, 51а) 'по приказу падишаха Мелика они шагали в сторону Докии и били в литавры'; *Mälik der buny dolup gözläri jaš* (СМД, 232б) 'Мелик говорит это, в то время как его глаза наполняются слезами'; *täŋri adyn aŋuban giräm sözä* (ЮЗ, 1) 'начну рассказ упоминанием имени бога'; *hämīšä bakuban säni görürsin* (Р, 13а) 'ты всегда, глядя, видишь себя'.

§ 152. Деепричастие на *-(j)a, -(j)y, -(j)u* указывает на то, что действие, передаваемое глаголом в деепричастной форме, соотнесено с другим, параллельно и одновременно протекающим действием. Оно может иметь целевое значение. Часто употребляется в удвоенном виде: *ušandy ryzq jejü agzuŋda dändän* (Ч, 18) 'зубам у тебя во рту наскучило жевать земную пищу'; *katarlaju ivä ivä arslan öŋinä vardy* (КД, 49) 'быстрыми шагами, поспешая, он пошел ко льву'; *otlak istäjü gitdi* (КД, 2) 'отправился на поиски пастбища'; *bir gün baga bu dilküji sora gäldi* (М, 14а) 'однажды черепаха пришла, чтобы спросить об этой лисе'.

§ 153. Деепричастие на *-madyn* указывает на отсутствие действия, выражаемого глаголом, от которого оно образовано. Оно способно передавать такую ситуацию, в которой какое-либо действие имело место раньше, чем происходит действие, выражаемое деепричастной формой.

Примеры: *iš baša gälmädin və gözükmädin išüŋ nitäligin aŋlamyš olur* (КД, 26) 'понимает свойство события,

хотя оно не произошло и не обнаружилось'; *jetišmädin saŋa va'dä gözüŋ ač* (Р, 15а) 'раскрой глаза, пока не наступил смертный час'.

§ 154. Деепричастие на *-(j)yğak, -(j)yğagaz* указывает на то, что какое-либо действие совпадает во времени с действием, выражаемым деепричастной формой; последнее может быть также условием осуществления другого действия, например: *gerü ävä gäliğäk aglajalum* (ЮЗ, 4) 'давайте будем плакать, когда вернемся домой'; *aniŋčün kim düšman mühlät bulyğak qavat duta* (КД, 30) 'потому что, если (когда) враг получит отсрочку, он соберется с силами'; *qyjämät kopyčagaz, bil haqïqat, gälәbäk bigi dagyla bu insan* (Ч, 31) 'знай правду: когда наступит конец света, эти люди разлетятся, как мотыльки'.

§ 155. Деепричастие на *-(j)yŋğa, -(j)yŋğak, -(j)yŋğagaz* выражает конечный или начальный предел какого-либо действия [ср. 26, 154—155], т. е. имеет значения «до того как», «пока не», «после того как», например: *biz daky bir gäz kygyrmajyŋğa jä bir daš atmajyŋğa sänüŋilä bulyšmazuz* (КД, 57) 'а мы с тобой не встречаемся до тех пор, пока [один из нас] не покричит или не бросит камень'; *müzdür bir iki gün gäčinğäk mälül oldy* (КД, 2) 'через один-два дня батрак заскучал'; *bošu gälinğägäz ïmän nä olur?* (Р, 20б) 'что происходит с верой после того, как приходит гнев?'.

§ 156. Образование *-dukča*, представляющее собой форму экватива от глагольной формы на *-duk*, в силу неупотребительности его при глаголах в отрицательном аспекте (ср. § 147) следует рассматривать как показатель деепричастия. Его грамматическое значение, по-видимому, сводится к указанию на то, что действие, выражаемое глаголом в деепричастной форме, является обстоятельством, при котором происходит другое действие, например: *jerdä jatdukča, bil, anlaruŋ täni, šöjlä bil, čürimäz, äj ğänum ğäny* (СМД, 236б) 'когда они лежат [распростертые] на земле, знай, их тела не подвергаются тлению, так знай, о душа моей души'; *ajak basdukča äl versün dilägüŋ* (СМД, 244а) 'пусть при каждом шаге осуществляются твои желания'.

§ 157. Деепричастие на *-(j)aly* встречается редко. Обозначает действие, представляющее собой хронологически исходную точку другого, т. е. имеет значение «с тех пор как», например: *dedi: bunda sän düšäli čoxmydur?* [СН; 47, 132] 'она сказала: «Много ли прошло с тех пор, как ты был сюда?»'; *čarxï fäläk dapuŋdan gidäli baŋa etdi güč* [СН; 47, 132] 'с тех пор как я ушел со службы у тебя, судьба и небо ниспослали мне много трудностей'.

Иногда это деепричастие оформляется аффиксами экватива [см. 49, 21] или исходного падежа. Встречаются формы без конечного *i*: *göräldän, iräldän, diräldän* (КБ).

ПОСЛЕЛОГИ

§ 158. Послелоги — это класс служебных слов, которые являются аналитическим средством выражения отношения предмета к другим предметам, признакам или процессам. Послелоги уточняют, дополняют значения падежей и образуют вместе с ними единый грамматический комплекс, служащий для отражения всех многообразных связей предмета в объективном мире.

§ 159. Послелоги-частицы семантически и функционально тесно связаны с наречиями и функционально-обстоятельственными формами. Многие слова приходится рассматривать как входящие одновременно в разные лексико-грамматические классы, в частности в класс послелогов и наречий.

Послелоги, употребляющиеся с именем в основном падеже: *bigi ~ gibi* 'подобно, как'; *bi(r)lä(n)* 'совместно, с'; *däpä* 'по направлению к'; *ičrä* 'в, внутри'; *(i)čün* 'для, ради'; *(i)lä(n)* 'совместно, с'; *saru* (КБ) 'по направлению к'; *täg* (КБ) 'подобно, как'; *üz(ä)rä* 'на, над'.

Послелоги, управляющие дательным падежом: *dägin* 'до'; *däk* 'до'; *görä* 'в соответствии с'; *karšu* 'против, навстречу'.

Послелоги, управляющие исходным падежом: *ajruk* 'кроме'; *artuk* 'кроме'; *berü* 'с (какого-либо времени)'; *dašra* 'снаружи, наружу'; *gajri* 'кроме'; *gerü* 'после'; *jaŋa, jaŋadyn, jaŋaja* 'по направлению к'; *ilärü* 'перед, раньше'; *öŋ, öŋdin* 'перед, раньше'; *öt(ü)rü, öt(ü)ri* 'из-за, ради'; *soŋra* 'после' [16].

§ 160. Послелоги-имена представляют собой формы категории принадлежности и падежей (дательного, исходного, местного и экватива) ряда имен существительных с пространственными значениями. Эти формы используются в качестве грамматикализованного средства уточнения пространственных значений названных падежей. Наиболее употребительные послеложные основы: *ara-* 'место между чем-л.'; *ard-* 'зад, тыл'; *baš-* 'верхняя часть, вершина'; *dib-* 'основание'; *el-, eläj-* (*il-, iläj-*?) 'окрестность' [ср. 62, т. I, 182]; *ič-* 'внутренняя часть'; *jan-* 'сторона, бок'; *jörä-* (*jürä-*?) 'окрестность'; *jüz-* 'поверхность'; *karšu-* 'место напротив'; *kat-* 'бок, место рядом'; *orta-* 'середина'; *öŋ-* 'перед'; *üst-, üzär-* 'верх, поверхность' и др.

Примеры: *siz daxy ...ardumğa giräsiz* (СМД, 53б) 'а вы... войдете вслед за мной'; *bašyny öginä ardyna döndürür* (КД, 32) 'поворачивает голову вперед, назад'; *Šaṭaṭ Xaršа-*

[16] Некоторые примеры использования послелогов-частиц см. § 74 (пример 5), 75 (примеры 2, 3), 83 (примеры первой группы, № 2.)

na elājindā konmyšdur (СМД, 115а) 'Шатат остановился в окрестностях Харшаны (Амасья)'; *kurd my gälür Jūsufuŋ jōrāsina?* (ЮЗ, 4) 'разве сможет волк подойти к Юсуфу?'; *havā jūzindā učavuz* (КД, 40) 'мы полетим по воздуху'; *any sizüŋ katuŋza götürājūm* (М, 2б) 'я приведу его к вам'.

ЧАСТИЦЫ

§ 161. В качестве наиболее употребительных представителей этого служебного класса слов следует назвать: *daky, daxy* 'и, также, же', *dägül* (приименное отрицание), *däk* 'только', выделительные частицы *ok, oš* (*uš*?), производную от последней *ošda* (*ušda*?) 'здесь, вот' и вопросительную частицу *-my*, которая во многих случаях, входя в состав слозоформ, обнаруживает признаки аффикса.

Примеры: *ol daxy šöjlā urur...* (ЮЗ, 5) 'а он так бьет, что...'; *bašmakčy daky gerü āvinä gäldi* (КД, 15) 'башмачник же вернулся домой'; *āmāk görmägil kim bular sänüŋ sözuŋlā ol išdān durur dägüldür, däk sän zaḥmät görürsin* (КД, 44) 'не старайся, потому что они из-за твоих слов не оставят этого занятия, ты только [напрасно] утруждаешь себя'; *kimā bošar isām olokdäm ölür* (Р, 19б) 'на кого я разгневаюсь, тотчас умирает'; *bän dä korkaram oš gändüzümdän* (Р, 20а) 'и я боюсь самого себя'; *hünärüŋ var isā, gäl ošda mājdān* (Ч, 7) 'если у тебя есть умение, иди, вот тебе арена'; *'ār dägül mi?* (ЮЗ, 3) 'не стыдно ли?'.

СОЮЗЫ

§ 162. В тюркском языкознании распространена вполне оправданная точка зрения, что само использование союзов в тюркских языках — следствие влияния на них других языков. Подавляющее большинство староосманских союзов представляют собой прямые заимствования из арабского и персидского языков. В качестве собственно тюркских союзов, т. е. таких, которые развились на тюркской почве под иноязычным влиянием, назовем союз *kim*, который в текстах имеет самые разнообразные значения: является грамматическим показателем любого (кроме условного) придаточного предложения (примеры 1, 2), вводит прямую речь (3), а также союзы *kačan* 'когда, если' (4), *niǧämä kim* 'хотя' (5).

Примеры: 1) *bujurdy kim* (СМД, 56а) 'приказал, чтобы'; 2) *sän kim Mäliksin* (СМД, 52б) 'ты, который Мелик', 3) *sordylar kim nä kišilärsiz?* (СМД, 160б) 'они спросили: «Что вы за люди?»'; 4) *kačan otlak bulsaŋ kongyl* (КД, 3) 'когда (если) найдешь пастбище, устраивайся жить'; 5) *niǧämä kim ol jylan jatmyš vä aslan ujymyšdur, āxyr ol jylan baš kaldurysar vä ol aslan agyz ačysardur* (КД, 42) 'хотя та змея улеглась, а тот лев уснул, в конце концов змея поднимет голову, а лев раскроет пасть'.

Кроме того, следует назвать многочисленные образования с союзными функциями, состоящие из местоимений и союзов *kim* или *ki*. Местоимения при необходимости в падежной форме и с послелогами выступают в качестве относительных слов, уточняющих значение придаточного предложения, например: *andan öŋdin ki bu bizi hälāk edä* (М, 56а) 'прежде чем он нас убьет'; *nä kim etdüŋ* (Ч, 35) 'то, что ты сделал'; *näräjä kim varam bašlar käsilür* (Р, 19б) 'куда ни пойду, летят головы с плеч'.

В качестве сочинительного разделительно-перечислительного союза можно назвать союз *bir...bir* 'то...то', например: *särgärdān olup bir durur bir otururdy* (КД, 12) '[лев] в растерянности то вставал, то садился'.

СИНТАКСИС

Общие замечания

§ 163. Синтаксические явления староосманского языка, т. е. закономерности соединения слов в бóльшие синтаксические единства, а также существенные свойства синтаксических единиц, необходимо разделить на две группы.

Первую образуют явления, которые обусловливаются самим строем описываемого языка как одного из тюркских языков (см. § 60).

Во вторую группу входят те из них, которые, как справедливо полагают многие исследователи, не являются исконно тюркскими, представляют собой продукт иноязычного, прежде всего иранского, влияния. Типичным примером таких явлений следует считать многочисленные сложные предложения, организованные с помощью препозитивных союзов (см. § 162; примеры там же).

В настоящем разделе речь идет в основном о синтаксических явлениях первой группы.

§ 164. В полном соответствии с тем, что знаменательные слова языка делятся на две большие группы — имена и глаголы,— синтаксические единицы в зависимости от того, представитель какой из этих групп выступает в качестве организующего компонента, распадаются на именные и глагольные. Для образования тех и других используются различные морфологические средства, однако оба типа имеют единую синтаксическую природу: их компоненты

вступают в одни и те же синтаксические отношения; в основе их дальнейшего подразделения (на словосочетания и предложения) (см. § 166) лежат единые критерии.

§ 165. Отношения между компонентами бóльших, чем слово, синтаксических единств (конструкций) могут быть копулятивными, атрибутивными или предикативными.

Копулятивные отношения, т. е. отношения между синтаксически равноправными компонентами конструкции, могут быть выражены простым перечислением однородных членов. Примером собственно тюркской конструкции, компоненты которой находятся в копулятивных отношениях, является конструкция, организуемая послелогом *ilä*: *bänimilä Kälilanuŋ gizlänğisi* (КД, 64) 'мой и Калилы тайник'.

Атрибутивные отношения — это отношения между определением (приименным определением, дополнением, обстоятельством) и определяемым, выраженным именем или глаголом и являющимся организующим компонентом конструкции. В изучаемом языке указание на то, что одно слово выступает как определение другого, осуществляется с помощью простого соположения слов в определенном порядке (см. § 168), формами склонения без послелогов или в сочетании с ними, подчинительными союзами. В качестве определений без падежного или послеложного оформления используются: прилагательные, наречия, атрибутивные и обстоятельственные функциональные формы имен и такие же разряды местоимений, причастия, атрибутивно-субстантивные формы глагола, деепричастия.

Предикативными следует считать отношения между грамматическим субъектом и грамматическим предикатом — компонентами таких конструкций, которые организованы по модели суждения, состоящего, как известно, из логического субъекта (предмет мысли) и логического предиката (то, что сообщается о предмете мысли), т. е. имеют структуру: С—П. Названные единицы синтаксического и логического уровней могут не совпадать.

Грамматический субъект (подлежащее) выражается всегда формой основного падежа существительных и субстантивированных слов. В качестве грамматического предиката могут выступать как личные, так и неличные формы имен и глаголов.

§ 166. Синтаксические единицы представляют собой словосочетания (см. § 169—176) или предложения (см. § 177—181). Различительный признак имеет морфологическую природу: в качестве организующего компонента предложения выступает какая-либо из форм именной или глагольной категории сказуемости, т. е. одна из личных форм имени или глагола (см. § 107—112, 119—137). Сказуемое, непременный компонент любого предложения как единицы синтаксического уровня[17], всегда представлено личной формой. Иначе говоря, слово в неличной форме не может быть сказуемым.

И словосочетания и предложения могут иметь названные выше виды отношений между компонентами. В дальнейшем речь пойдет только об атрибутивных и предикативных отношениях. В зависимости от того, какими отношениями между компонентами характеризуются конструкции, они именуются соответственно атрибутивными или предикативными[18].

Необходимо подчеркнуть, что предикативные словосочетания отличаются от предложений, имеющих подлежащее, тем, что их грамматический предикат выражен неличной формой имени или глагола. Кроме того, предикативное словосочетание (как и любое словосочетание) имеет минимум два компонента; предложение же может иметь лишь один компонент — сказуемое (односоставное предложение)— и, следовательно, быть лишенным предикативных отношений между компонентами (см. § 179).

Это свойство предложения, как представляется, следует объяснять тем, что любая личная форма именной и глагольной категории сказуемости в качестве своего грамматического значения имеет отношения между логическим субъектом и логическим предикатом, а также отнесенность логического субъекта к одному из трех лиц и двух чисел.

Таким образом, предикативная организация конструкции не является условием возникновения предложения. Для этого необходимо наличие морфологической категории, которая имела бы субъектно-предикатные отношения в качестве своего грамматического значения.

§ 167. В роли компонентов конструкций могут выступать как отдельные слова, так и словосочетания и предложения.

§ 168. В структуре конструкций проявляется следующая закономерность: определение (приименное определение, дополнение, обстоятельство) предшествует определяемому; грамматический субъект (подлежащее) имеет тенденцию занимать первое место в конструкции; организующий компонент конструкции (определяемое, грамматический предикат), как правило, занимает конечное положение.

[17] По В. З. Панфилову, предложение в традиционном понимании [т. е. языковая единица, которая выражает относительно законченный акт мысли, характеризуется тем или иным видом коммуникативной интонации (сообщения, вопроса или побуждения) и обладает отнесенностью высказываемого содержания к действительности] представляет собой единицу не синтаксического, а иного — логико-грамматического — уровня [см. 37, 172 и др.]

[18] Выделить только атрибутивные и предикативные конструкции можно, разумеется, лишь условно и в целях наглядности. На практике же мы имеем чаще всего сложные конструкции, характеризующиеся как предикативными, так и атрибутивными отношениями между компонентами.

§ 169. В именных атрибутивных словосочетаниях в качестве именного определяемого могут выступать имена существительные или субстантивированные части речи.

В зависимости от морфологической природы определения именные атрибутивные словосочетания можно разделить на две группы и одни из них условно называть адъективными, другие — субстантивными.

§ 170. В адъективных словосочетаниях определение может быть представлено: прилагательными, функционально-атрибутивными формами имен (*-lu*, *-suz*, *-ky*) и глаголов (причастия и субстантивно-атрибутивные формы), числительными, атрибутивными и количественными местоимениями (примеры см. в § 79, 81, 82, 98, 99, 103—105, 140—144, 146—149).

§ 171. В текстах встречаются усложненные адъективные атрибутивные конструкции с определением, выраженным словосочетанием, один из компонентов которого снабжен аффиксом принадлежности, указывающим на отнесенность этого словосочетания-определения к последующему определяемому. В приводимых примерах в качестве определения выступают предикативные словосочетания, аффиксом принадлежности оформлено слово, обозначающее грамматический субъект: *burny käsilmiš 'avrat* (КД, 17) 'женщина, у которой нос отрезан'; *iči javuz kiši* (КД, 29) букв. 'человек, у которого дурное нутро', т. е. 'дурной человек'.

§ 172. В субстантивных атрибутивных словосочетаниях в качестве определения выступают имена существительные и субстантивированные части речи в формах склонения.

Субстантивные словосочетания, первый компонент которых имеет форму основного или родительного падежа, в тюркском языкознании принято называть изафетом. В зависимости от морфологических способов выражения связи между компонентами различают три типа изафета.

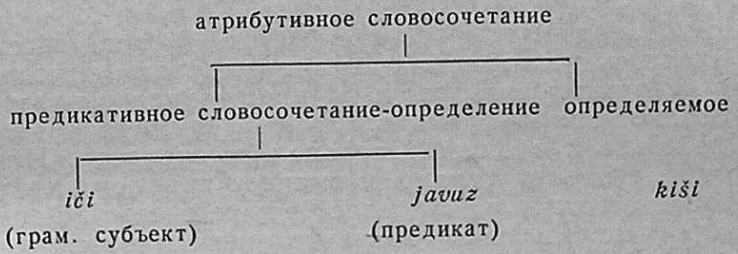
Изафет I организуется путем простого соположения имен существительных, которые не получают каких-либо показателей, оформляющих связь между компонентами. В качестве определения в нем используются, как правило, существительные, способные обозначать материал, из которого создан другой предмет. Оба компонента выражают предметы, «пространственно слитые и вещественно совпадающие друг с другом» [29, 77], например: *agač mīx* (КД, 4) 'деревянный клин'.

В изафете II определение выступает в основном падеже, а определяемое оформлено аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа. Функциональная особенность этих конструкций в староосманском языке состоит в том, что существительное, выступающее в функции определения, может выражать конкретный предмет: быть именем собственным, иметь при себе показатель принадлежности, определяться указательным местоимением, показателем *bir* и т. д., например: *Šaṭaṭ nāmäsi* (СМД, 54а) 'письмо от Шатата'; *gözüm jašy* (СВ, XXIII, 5) 'слезы моих глаз'; bu dünjа läzzätinä *maǧrūr olma* (Ч, 44) 'не прельщайся сладостью этого мира'; *gändüji* bir dōst konuklygyna *kygyrmyšydy* (КД, 15) '[он] позвал его в гости к одному другу'.

В изафете III определение имеет форму родительного падежа, определяемое, как и в изафете II, снабжено аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа, например: *baga ol* agaǧuŋ ortasyn *diši birlä muḫkäm dutdy*, *kazlar* agaǧuŋ *iki* janyn *agyzlary birlä dutup učdylar* (КД, 40) 'лягушка крепко ухватилась своими зубами за середину той палки, гуси полетели, держа клювами оба конца палки'.

Изафеты II и III семантически очень близки, оба выражают отношения между предметами и могут рассматриваться как две взаимосвязанные общим значением конструкции, одна из которых (изафет III) является маркированным морфологически (родительный падеж) и семантически (по признаку отнесенности определения к какому-либо конкретному предмету) членом оппозиции. Это значит, что в изафете II определение может иметь как отвлеченно-предметное, так и конкретно-предметное значения, а в изафете III оно всегда имеет конкретно-предметное значение.

§ 173. Именные предикативные словосочетания представляют собой компоненты каких-либо конструкций. Эти словосочетания организуются именами, которые выступают в них как грамматические предикаты. Разберем пример, который уже приводился в § 171:

Наиболее часто встречаются именные предикативные словосочетания, вводимые показателем *(i)kän*. Они выступают в качестве развернутых обстоятельств времени в составе распространенных конструкций. См. примеры в § 113.

§ 174. Глагольные атрибутивные словосочетания. Этим понятием объединяются конструкции, организованные по моделям: дополнение+глагол, обстоятельство+глагол в любой неличной форме, например: *ḫalāl vāğhdān māl kazanmak* (КД, 1) 'наживать добро богоугодным способом'.

Компоненты *ḫālal vağhdān* (обстоятельство), *māl* (прямое дополнение) рассматриваются как атрибуты действия, выраженного глаголом.

§ 175. Глагольные предикативные словосочетания организуются неличными формами глагола и имеют грамматический субъект. Такие словосочетания представлены в уже приводившихся выше примерах (§ 148, 155): bālā nādān gālāsin *aŋlardy* (М, 58а) 'он понимал, откуда придет беда'; bošu gālinğāgāz *īmān nä olur?* (Р, 20б) 'что происходит с верой после того, как приходит гнев?'.

§ 176. Словосочетания, организуемые глагольными функционально-именными формами, с одной стороны, обладают способностью развертываться в обширные периоды какой угодно степени распространенности и с любым видом синтаксических отношений между компонентами, с другой — благодаря богатейшей морфологии глагольных имен они могут выступать в роли любого компонента какой-либо иной конструкции (см. § 138—157). Эти свойства глагольных словосочетаний значительно уменьшают структурную потребность тюркских языков в придаточных предложениях, но не исключают их полностью (см. §§ 180, 181).

Предложение

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 177. Именные предложения. В функции сказуемого именных предложений выступают слова, входящие в состав именных частей речи, и именные атрибутивные и обстоятельственные функциональные формы, которые получают показатели именной категории сказуемости. Именное сказуемое, а следовательно, и именное предложение имеет в сравнении с глагольным более бедные системы форм, выражающих модальность (изъявительную, субъективную и условную) и время (см. § 107—112; примеры там же).

§ 178. Глагольные предложения. В качестве сказуемого глагольных предложений выступает какая-либо глагольная форма. Наличие у глагола личных и неличных форм обусловливает два типа глагольного сказуемого.

Первый тип представлен личными формами всех наклонений (см. примеры в § 119—137).

Ко второму типу относятся сказуемые, выраженные глагольными функционально-именными формами с показателями именной категории сказуемости: *üčünğüsi — āxirät müzdinä ermäkdür* (КД, 1) 'третье, [к чему стремятся],— добиться вознаграждения в загробном мире'; *xalīfä verdügijidi ol 'alämlär* (СМД, 50б) 'те знамена были тем, что дал халиф'.

В § 128 отмечалось, что некоторые глагольные формы тяготеют к двум грамматическим рядам — к временам изъявительного наклонения и к глагольным функционально-временны́м формам. Наличие этих форм с двойственной грамматической природой (личной и неличной) создает зону, в которой нет четкой границы между собственно глагольным и именным типом глагольного сказуемого.

Многие исследователи тюркских языков (Ж. Дени, К. Гренбек, Н. А. Баскаков и др.) считают, что все личные глагольные формы исторически восходят к именным формам глагола и их развитие шло по линии постепенного накопления собственно глагольных свойств. В этом плане староосманские формы на *-dy*, *-(j)a*, *-(j)ysar*, личные формы повелительного, желательного, условного и сослагательного наклонений на синхронном срезе целесообразно рассматривать как формы со сформировавшейся глагольностью.

Глагольное сказуемое в силу природы глаголов, выражающих действие, обладает в отличие от именного сказуемого способностью передавать такие ситуативные отношения, которые составляют содержание грамматической категории залога, являющейся исключительно глагольной категорией (см. § 114—117). Оно имеет более богатую систему категорий, выражающих модальность (наклонения), время (см. § 119—137).

§ 179. Предикативные и атрибутивные предложения. Из положения о том, что личные формы в качестве грамматического значения имеют субъектно-предикатные отношения, следует, что подлежащее в предложении со сказуемым в 3-м лице используется для того, чтобы назвать конкретного участника ситуации — предмет, о котором что-либо сообщается в сказуемом. Если же подлежащее выражено личным местоимением, то оно при согласованности в числе со сказуемым является избыточным и может отсутствовать. Способность не иметь в своем составе подлежащего вытекает, таким образом, из природы предложения как синтаксической единицы, организуемой какой-либо личной формой. Выше неоднократно в разных разделах приводились бесподлежащные (односоставные) предложения типа: *bujurdy kim* 'приказал, чтобы'.

Как правило, односоставными бывают предложения, организованные глагольными формами 2-го лица повелительного наклонения: *bu ärüŋ burnyn käsüŋ* (КД, 17) 'отрежьте этому человеку нос'.

Предложения, в которых имеется подлежащее, представляют собой предикативные конструкции. Сказуемое в них является одновременно грамматическим предикатом.

Односоставные предложения могут иметь только атрибутивные отношения между компонентами. Сказуемое в них может быть только определяемым.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 180. Как было показано выше, конструкции, организующим компонентом которых являются глагольные имена, нельзя рассматривать как предложения, если эти имена не выступают в формах именной категории сказуемости.

К числу собственно тюркских придаточных предложений в староосманском языке относятся конструкции, вводимые формами условной модальности или условного наклонения, поскольку они представляют собой личные формы. Препозитивные союзы *ägär* 'если' и *kačan* 'когда, если' воспринимаются в таких предложениях как избыточные, плеонастические языковые средства, использование которых вызвано влиянием языков нетюркского грамматического строя. Как видно из примеров в § 111, 133, 134, во многих условных придаточных предложениях эти союзы отсутствуют.

§ 181. Придаточными предложениями являются также многие конструкции, вводимые словом *dejü* (по форме деепричастие от глагола *de-* 'говорить'). Их исконная функция — передача прямой речи [см. 27, 540—544], например: *and verdilär düšüŋi degil dejü* (ЮЗ, 3) 'они заклинали: «Расскажи свой сон»'.

В форме не действительной, а лишь приписываемой одушевленному субъекту действия прямой речи они способны выражать его фактические или мнимые слова, мысли, мотивы, внутренние побуждения, намерения, которые предстают как пояснения (раскрытие содержания, конкретизация) (примеры 1, 2), причина (пример 3) или цель (пример 4) этого действия. Слово *dejü* используется в таких случаях как служебное грамматическое средство. Если подобные конструкции организуются личной формой имени или глагола, их следует считать изъяснительными, причинными или целевыми придаточными предложениями.

Особенно ярко служебный характер слова *dejü* проявляется тогда, когда субъект действия, выраженного сказуемым главного предложения,— неодушевленный предмет, которому не имеет смысла приписывать слова или мысли (пример 5).

Слово *dejü* в описанном употреблении выполняет функцию подчинительного союза. То, что оно стоит в конце придаточного предложения, полностью соответствует тюркскому языковому строю, для которого характерна постпозиция грамматических показателей и служебных слов.

Примеры: 1) *bän mazlämäjä giräm vä milkümä xalal gälä dejü korkardy* (М, 38б) 'он опасался, что совершит несправедливость и его стране будет нанесен вред'; 2) *danuklyk verdilär pādišāha sögdi dejü* (М, 69б) 'они засвидетельствовали, что он ругался по адресу короля'; 3) *pillär any görüp syduk deju sägirdim saldylar* (М, 51а) 'слоны увидели это и, решив, что выходят победителями, бросились вперед'; 4) *biraz gizlämišäm sizüŋ gibi dōstlara bulyna dejü* (М, 20б) 'я немножко припрятал, чтобы было для таких друзей, как вы'; 5) *Dokijja ählinä xabär oldy kim čäri gälür dejü* (СМД, 51а) 'населению Докии стало известно (букв. было известие), что приближается войско'.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА
(ЮЗ, 2)

امدی دکلک سوزومه طوتک قلاق
بر سوز ایدم کیم شکردن طاتلوراق
واردی کنعانده بر سرور کشی
آدی یعقوب کندو پیغامبر کشی
یوسف آدلو بیر اوغلی آنك
امدی ایشت بو سوزی وارسه جانك
یدی یاشنده ایدی یوسف نبی
صورت خوب یوغدی انك کبی
بر کیجه یاتورکن اول دوشی کورر
ایرته طورر آنی یعقوبه صورر
ایدر ای بابا یاتردم بوکیجه
بر عجب دوشی کورورم ایشت نیجه
ایدی‌ویر تعبیرنی آنك بکا
ایدیم اول کوردکوم دوشی سکا
کوردوم آی و کونشی اون بر یلدوز
سجده قیلورلر قموسی بکا دوز
دوندی یعقوب سویلدی ایتدی جانم
ساقله دوشك سوزی ایشت بنم
اولمیه کیم سویلیاسین داخیا
ایشده دوشک سکا قاخیا
خوش در یا اوغل سنك دوشك
سلطان‌لغیله کیجی‌سر عمرك یاشنك
حق سنی سلطان قلیسر قامویه
اون بر قرداشك طوریسر طاپویه

ТРАНСКРИПЦИЯ

imdi diŋläŋ sözümä dutuŋ kulak
bir söz äjidäm kim šäkkärdän datlurak
vardy Kän'ända bir särvär kiši
ady Ja'qūb gändü päjgämbär kiši
Jūsuf adlu bir ogly anuŋ
imdi išit bu sözi varsa ğänuŋ
jedi jašynda idi Jūsuf näbī
şūraty xūb jogydy anuŋ gibi
bir geğä jaturikän ol düš görür
ertä durur any Ja'qūba sorur
äjidär e baba jaturdum bu geğä
bir 'ağab düš görüräm išit niğa
äjidiver ta'bīrini anuŋ baŋa
äjidäjüm ol gördügüm düši saŋa
gördüm aj ü günäš on bir jylduz
säğdä kylurlar kamusy baŋa düz
döndi Ja'qūb söjlädi äjitdi ğänum
sakla düšuŋ sözi išit bänüm
olmyja kim söjläjäsin daxyja
išidä düšüŋ saŋa kaxyja
xōš dur jā ogul sänüŋ düšüŋ
sulţānlygyla gečisär 'ömrüŋ jašuŋ
ḥaq säni sulţān kylysar kamuja
on bir kardašuŋ durysar dapuja

ПЕРЕВОД

Теперь слушайте, обратите уши к моим словам.
Я скажу сказ, который слаще сахара.
Был в Ханаане знатный человек.
Имя его — Якуб, сам он — пророк.
У него — сын по имени Юсуф.
Теперь выслушай этот сказ, если у тебя есть сердце.
Семь лет было пророку Юсуфу.
Не было [такого] красивого лицом, как он.
Однажды ночью он спит и видит сон,
Наутро встает, спрашивает о нем Якуба.
Говорит; «О отец, спал я этой ночью,
Вижу странный сон, послушай какой,
Скажи-ка мне его смысл.
Расскажу тебе тот увиденный мной сон.
Я видел: луна и солнце, одиннадцать звезд,
Все подряд кланяются мне».
Обернулся Якуб, сказал: «Душа моя,
Скрывай свой сон, выслушай мои слова.
Пусть не случится [так], чтобы ты сказал [кому-нибудь] дрогому.
Услышит твой сон, рассердится на тебя.
Хороший, о сын, твой сон.
Вся твоя жизнь пройдет на султанском престоле.
Господь сделает тебя султаном над всеми.
Одиннадцать твоих братьев будут [у тебя] в услужении»

ad 'имя'; *ad+y* 'его имя'— форма принадлежности; *ad+lu* 'носящий имя'— именная функционально-атрибутивная форма.

aj 'луна'.

anuŋ 'его'— родительный падеж от *ol* (см.).

any 'его'— винительный падеж от *ol* (см.).

ājit- 'сказать'; *ājitdi* 'он сказал'— прошедшее категорическое время; *ājid+ā+m*, *ajid+ā+jām* или *ājid+ä+jām* 'скажу'— форма на *-(j)a* (настоящее или будущее время); *ājid+är* — форма на *-ar* (настоящее или будущее время); *ājid+i+ver* 'скажи-ка'— конструкция, выражающая быстроту, легкость совершения действия, повелительное наклонение.

baba 'отец'

baŋa 'мне'— дательный падеж от *bän* 'я'.

bānūm 'мой'— родительный падеж от *bän* 'я'.

bir 'один'.

bu 'этот'.

dapu (или *tapu*) 'служба'; *dapu+ja* 'для службы'— дательный падеж.

datlu 'сладкий'; *datlurak* 'слаще'— форма на *-rak*, выражающая сравнение.

daxy 'другой'; *daxy+ja* 'другому'— дательный падеж.

diŋlā- 'слушать'; *diŋlā+ŋ* 'слушайте'— повелительное наклонение.

dön- 'оборачиваться'; *dön+di* 'он обернулся'— прошедшее категорическое время.

dur- 'стоять, находиться, вставать'; *dur+ur* 'встает'— форма на *-ur* (настоящее или будущее время); *dur+ysar* 'будут находиться'— будущее время.

dur(ur)— личный аффикс 3-го лица, настоящее время, изъявительная модальность, именная категория сказуемости; часто пишется отдельно.

düš 'сон'; *düš+üŋ* 'твой сон'— форма принадлежности; *düš+i* — винительный падеж.

düz 'подряд'.

e(i?) 'о! эй!'.

ertä 'утром'.

gäč- 'проходить'; *gäč+isär* 'пройдет'— будущее время.

gändü 'сам'.

geğä 'ночь'.

gibi 'как, подобно тому как'.

gör- 'видеть'; *gör+düm* 'я видел'— прошедшее категорическое время; *gör+ür+äm* 'вижу'; *gör+ür* 'видит'— форма на *-ur* (настоящее или будущее время); *gör+düg+üm* 'который я видел'— субстантивно-атрибутивная форма на *-duk* в форме категории принадлежности.

günäš 'солнце'.

ğän (перс.) 'душа'; *ğän+um* 'душа моя'; *ğän+uŋ* 'твоя душа'— формы категории принадлежности.

ḫaqq (ар.) 'бог'.

idi — показатель прошедшего времени, изъявительная модальность, именная категория сказуемости, часто пишется отдельно.

imdi (или *emdi?*) 'сейчас'.

išit- 'слышать'; *išid+ä* 'услышит'— форма на *-(j)a* (настоящее или будущее время); *išit* 'послушай!'— повелительное наклонение.

jā (ар.) 'о!'.

Ja'qūb (ар.) 'Якуб' (имя собственное); *Ja'qūb+a* 'Якубу'— дательный падеж.

jaš 'возраст, годы жизни'; (*jeddi*) *jaš+yn+da* '(семи) лет'— форма принадлежности, местный падеж; *jaš+uŋ* 'твои годы жизни'— форма принадлежности.

jat- 'лежать, спать'; *jat+ur+kän* 'когда (он) спал'— форма на *-ur* (причастие и одна из временных форм индикатива) с показателем (*i*)*kän* 'когда'; *jat+ur+dum* 'я спал'— сложная форма, выражающая прошедшее время.

jeddi 'семь'.

jok 'нет, не имеется'.

Jūsuf 'Юсуф' (имя собственное).

jylduz 'звезда'.

kamu 'все'; *kamu+sy* 'все они'— форма принадлежности; *kamu+ja* 'всем, над всеми'— дательный падеж.

kardaš 'брат'; *kardaš+uŋ* 'твой брат'— форма принадлежности.

kaxy- (чаще *kaky-*) 'сердиться'; *kaxy+ja* 'рассердится'— форма на *-(j)a* (настоящее или будущее время).

Ḳän'ān 'Ханаан'; *Ḳän'ānda* 'в Ханаане'— местный падеж.

kim — союз, вводящий любое, кроме условного, придаточное предложение.

kiši 'человек'.

kulak 'ухо'; *dut+uŋ kulak* 'слушайте'— фразеологическое единство, повелительное наклонение.

kyl- 'делать'; (*säğdä*) *kyl+ur+lar* 'совершают (поклон)'— форма на *-ur* (настоящее или будущее время); *kyl+ysar* 'сделает' (будущее время).

näbī (ар.) 'пророк'.

niğä (*neğä?*) 'какой'.

ogul 'сын'; *ogul+y* > *ogl+y* 'его сын'— категория принадлежности.

ol 'он, тот'.

ol- 'быть, становиться'; *ol+my+ja* 'пусть не случится' — отрицательная форма (*-ma* перед [*j*]>*my*), форма на *-(j)a* (желательное наклонение).

on bir 'одиннадцать'.

päjğämbär (перс.) 'пророк'.

sakla- 'прятать, скрывать'; *sakla* 'скрывай'— повелительное наклонение.

saŋa 'тебе'— дательный падеж от *sän* 'ты'.

säğdä (ар.) 'поклон'.

säni 'тебя'— винительный падеж от *sän* 'ты'.

sänūŋ 'твой'— родительный падеж от *sän* 'ты'.

särvär (перс.) 'хозяин, владелец'.

sor- 'спрашивать'; *sor+ur* 'спрашивает'— форма на *-ur* (настоящее или будущее время).

söjlä- 'говорить'; *söjlä+di* 'он сказал'— прошедшее категорическое время; *söjlä+jä+sin* 'ты скажешь'—форма на *-(j)a* (настоящее или будущее время).

söz 'слово, речь'; *söz+üm+ä* 'моей речи'— форма принадлежности, дательный падеж; *söz+i* — винительный падеж.

sulṭān (ар.) 'султан'.

sulṭānlyk 'титул султана, пребывание на султанском троне'.

şūrat (ар.) 'лицо'; *şūrat+y xūb* 'красивый лицом'— субстантивированное определение, атрибутивная конструкция с показателем относительной связи.

šākkär 'сахар'; *šākkär+dän* — исходный падеж, оформляющий объект — источник сравнения.

ta'bīr (ар.) 'толкование'.

var 'есть, имеется'; *var+sa* 'если есть'— форма условной модальности именной категории сказуемости.

vā 'и' (союз).

xōš (перс.) 'приятный, хороший'.

xūb (перс.) 'красивый'.

'ağab (ар.) 'удивительный'.

'ömr (ар.) 'жизнь'; *'ömr+üŋ* 'твоя жизнь'— форма принадлежности.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Памятники, послужившие в разной степени источниками иллюстративного материала настоящего очерка, представляют собой, как правило, опубликованные и наиболее известные прозаические и стихотворные, оригинальные и переводные староосманские произведения XIII—начала XV в. Они составляют лишь часть большого числа уже известных науке староосманских письменных произведений (см. [59; 14]; см. также стр. 12—13 наст. работы), тем не менее достаточно полно отражают состояние описываемого языка.

Памятники приводятся в хронологическом порядке; имеется в виду время создания произведения или его перевода на староосманский язык, а если это неизвестно — время, когда жил автор или переводчик. После условного обозначения памятника (сигла) сообщаются краткие сведения об источнике и значении цифр в адресах примеров.

Ч — «Čarxnāmā» («Поэма о превратностях судьбы»). Автор — Ахмед Факих (ум. до 1252 г.). Список датируется XV в. Изд.: см. [46]. В адресах примеров указывается номер строки текста поэмы в транскрипции М. Мансуроглу.

ЮЗ — «Jūsuf ū Zulaixā» («Юсуф и Зулейха»), поэма. Автор — Шейхад Хамза (XIII в.). Список датируется XVI в. Изд.: см. [69]. В адресах примеров указывается номер страницы факсимильного воспроизведения текста в книге Д. Дильчина.

Руми — тюркские строки и стихи в произведениях Джелялэддина Руми (ум. 1273 г.). Списки имеют различную датировку. Изд.: см. [58]. В адресах примеров римской цифрой указывается номер произведения, арабской — строка текста в транскрипции М. Мансуроглу.

СВ — тюркские стихи Султана Веледа (1226—1312). Время создания — XIII — начало XIV в. Списки имеют различную датировку. Изд.: см. [60]. В адресах примеров римской цифрой указывается номер произведения, арабской — строка текста в транскрипции М. Мансуроглу.

Р — «Risālat al-Nuṣḥijja» («Книга советов»), поэма. Автор — Юнус Эмре (XIII — начало XIV в.). Список датируется XV в. Изд.: см. [73]. В адресах примеров указывается номер листа рукописи по факсимильному воспроизведению ее в книге А. Гёльпынарлы.

КД — «Kālila vā Dimna» («Калила и Димна»), проза, перевод с персидского. Переводчик — Месуд (ок. 1330 г.). Стамбульский список датирован 1490 г. Изд.: см. [74]. В адресах примеров указывается страница транслитерационного воспроизведения текста в книге А. Зайончковского.

СН — «Sūhājl-ū Nāvbahār» («Сухейль и Невбахар»), поэма, перевод с персидского. Автор — Месуд ибн Ахмед (XIV в.). Список датируется 1378 г. Цит. по: [47]. В адресах примеров указывается только сигл СН.

М — «Marzubānnāmā» («Книга Марзбана»), проза, перевод с персидского, подражание «Калиле и Димне». Переводчик — поэт Шейхоглу, служивший при дворе правителя Гермияна Сулейман Шаха (годы правления — 1368—1386/7). Список датируется 1445/6 г. Цит. в основном по: [57], в отдельных случаях по фотокопии списка, имеющейся в ЛО ИВ АН СССР. В адресах примеров указывается лист рукописи*.

* К сожалению, автор не смог воспользоваться капитальной работой З. Коркмаз, содержащей лингвистическое исследование и публикацию «Марзубан-наме» [68].

КБ — «Диван» кади (судьи) Ахмеда Бурханэддина Сивасского (1344—1398). Список датируется 1393 г. Цит. по [53].

СМД — «Qyssa-i Mālik Danišmānd» («Сказание о Мелике Данышменде»), проза со стихотворными вставками. Авторы: Ибн Аля — секретарь сельджукского султана Иззэддина Кей Кавуса I (годы правления — 1210—1219); Ариф Али — комендант крепости Токат (закончил работу в 1361—1362 гг.); Хасан ибн Али, который работал при жизни султана Мехмеда I (годы правления — 1402—1421). Ленинградский список (ГПБ), отражающий язык XIII—XV вв., датируется 1622 г. [см. 8]. Цит. по фотокопии списка. В адресах примеров указывается лист рукописи.

К — перевод Корана, снабженный комментариями. Выполнен около 1405 г. Один из трех списков датируется 1499 г. Изд.: см. [75]. В адресах примеров указывается страница транслитерационного воспроизведения текста в книге А. Зайончковского.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
2. Алекперов А. К. Фонематическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971.
3. Ахмедов Дж. С. Предикативы в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1970.
4. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Часть I (Части речи и словообразование). М., 1952.
5. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869. Т. II. СПб., 1871.
6. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972.
7. Гарбузова В. С. Поэты средневековой Турции. Учебное пособие. Изд-во ЛГУ, 1963.
8. Гарбузова В. С. Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование. М., 1959.
9. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения. Т. I. М., 1960, с. 31—307.
10. Грунина Э. А. К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв.— «Советская тюркология», 1971, № 4, с. 98—104.
11. Грунина Э. А. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв.— Вопросы тюркской филологии. Изд-во МГУ, 1966, с. 74—105.
12. Грунина Э. А. Форма времени на *a/e* по памятникам турецкого языка.— Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966, с. 28—36.
13. Гузев В. Г. К вопросу об использовании данных ранних анатолийских тюркских памятников для изучения фонетики языка тюрок Малой Азии XIII—XV вв.— Исследования по филологии стран Азии и Африки. Изд-во ЛГУ, 1966, с. 37—46.
14. Гузев В. Г. Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.— Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 69—92.
15. Гузев В. Г. Некоторые проблемы исторической фонетики турецкого языка.— История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с. 193—196.
16. Гузев В. Г. Опыт фонологической интерпретации некоторых графических особенностей ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде».— Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966, с. 37—43.
17. Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков).— Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 56—64.

18. Гузев В. Г. Фонетика староанатолийско-тюркского языка (по материалам ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде»). Автореф. канд. дисс. Л., 1966.
19. Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках.—«Вопросы языкознания». М., 1975, № 3, с. 98—111.
20. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
21. Дмитриев Н. К. Турецкий язык. М., 1960.
22. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
23. Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
24. Закиев М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках.— Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Изд-во Казанского государственного университета, 1964, с. 207—219.
25. Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные). Изд-во ЛГУ, 1959.
26. Иванов С. Н. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969.
27. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
28. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
29. Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957.
30. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии). М., 1960.
31. Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.
32. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина.—« Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». XII. СПб., 1899, с. 1—144.
33. Мельников Г. П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии.— Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 121—137.
34. Михайлов М. С. О форме на *-(y)zsl* в турецком языке.— Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 141—154.
35. Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма). Автореф. канд. дисс. М., 1963.
36. Новичев А. Д. История Турции. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII века). Изд-во ЛГУ, 1963.
37. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
38. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962.
39. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.
40. Севортян Э. В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков).— Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 132—144.
41. Севортян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955.
42. Стеблин-Каменский М. И. Одна проблема исторической фонологии исландского языка.— «Ученые записки ЛГУ», 1961, № 308. Серия филологических наук. Вып. 62, с. 12—19.
43. Стеблин-Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Изд-во ЛГУ, 1966.
44. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
45. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

46. Ahmed Fakih. Çarhname. Yayımlayan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu. Dört levha ile. İstanbul, 1956.
47. Banguoğlu T. Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar. Breslau, 1938.
48. Björkman W. Die altosmanische Literatur.— Philologiae Turcicae Fundamenta. T. II. Wiesbaden, 1964, c. 403—426.
49. Brockelmann C. Altosmanische Studien I. Die Sprache 'Āšyqpāšās und Aḥmedīs.—«Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Bd 73. Leipzig, 1919, c. 1—29.
50. Cahen Cl. Pre-ottoman Turkey. A Cererai Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071—1330. London [1968].
51. Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921.
52. Duda H. W. Die Sprache der Qyrq Vezir-Erzählungen. I. Teil. Formenlehre. Leipzig, 1930.
53. Ergin M. Kadi Burhaneddin Divanı üzerine bir gramer denemesi.— «Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi». IV. 3. İstanbul, 1951, c. 287—327.
54. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. 2. verbesserte Auflage. Leipzig, 1950.
55. Heffening W. Die türkischen Transkriptionstexte des Bartholomaeus Georgievits aus den Jahren 1544—1548. Ein Beitrag zur historischen Grammatik des Osmanisch-Türkischen. Leipzig, 1942 (Deutsche Morgenländische Gesellschaft. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. XXVII. 2).
56. Kissling H. J. Die Sprache des 'Āšiḳpašazāde. Eine Studie zur osmanisch-türkischen Sprachgeschichte. Breslau, 1936.
57. Kleinmichel S. Untersuchungen zu phonologischen, morphophonologischen und morphologischen Problemen im Marzubān-nāme. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae. Berlin, 1970.
58. Mansuroğlu M. Calaladdīn Rūmi's türkische Verse.— «Ural-Altaische Jahrbücher». XXIV. 3—4. Wiesbaden. 1952, c. 106—115.
59. Mansuroğlu M. Das Altosmanische.— Philologiae Turcicae Fundamenta. T. I. Wiesbaden, 1959, c. 161—181.
60. Mansuroğlu M. Sultan Veled'in Türkçe Manzumeleri. İstanbul, 1958.
61. Mansuroğlu M. The Rise and Development of Written Turkish in Anatolia.—«Oriens». Vol. 7. № 2. Leiden, 1954, c. 250—264.
62. Mélikoff I. La geste de Melik Dānişmend. Étude critique du Dānişmendnāme. Tome I. Introduction et traduction. Paris, 1960. Tome II. Édition critique avec glossaire et index. Paris, 1960.
63. Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968.
64. Németh J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen).— «Acta Linguistica Hung.». III. 1—2. Budapest, 1953, c. 153—199.
65. Németh J. Zur Kenntnis des geschlossenen e im Türkischen.—«Körösi Csoma-Archivum». Ergänzungsband I. H. 5. Budapest, 1939, c. 515—531.
66. XIII. Yüzyıldan Beri Türkiye Türkçesiyle Yazılmış Kitaplardan Toplanan Tanıklariyle Tarama Sözlüğü. I—VII. Ankara, 1963—1974.
67. Radloff W. Über alttürkische Dialekte. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nameh.—«Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Pétersbourg». T. X. 1880, c. 17—77.
68. Şadru'd-din Şeyhoğlu. Marzubān-nāme tercümesi. Inceleme — Metin—Sözlük—Tıpkıbasım. Prof. Dr. Zeynep Korkmaz. Ankara, 1973.

69. Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. Nakl eden: Dehri Dilçin. İstanbul, 1946.
70. Thomsen K. The closed «E» in Turkish.—«Acta Orientalia». XXII. Havniae, 1957, c. 150—153.
71. Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon...—«Mémoires de la Société Finno-ougrienne». V. Helsingfors, 1896, c. 1—54.
72. Thomsen V. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Jénissei.— «Journal de la Société Finno-ougrienne». XXX. Helsinki, 1913—1918, № 4, c. 1—9.
73. Yunus Emre. Risâlat al-Nushiyya ve Divân. Abdülbâki Gölpınarlı. Önsöz—Lûgat—Açılama. İstanbul, 1965.
74. Zajączkowski A. Studja nad językiem staroosmańskim. I. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny. W Krakowie, 1934.
75. Zajączkowski A. Studja nad językiem staroosmańskim. II. Wybrane rozdziały z anatolijskotureckiego przekładu koranu. Kraków, 1937.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Введение 10
Фонология 16
Согласные 16
Состав согласных фонем 16
Фонологическое содержание согласных 16
Позиционные особенности согласных 23
Анлаут 24
Ауслаут 26
Инлаут 28
Гласные 29
Словарный состав 32
Морфология 34
Грамматический строй. Структура слова 34
Словообразование 35
Части речи 39
Имя существительное 40
Число 40
Категория принадлежности 41
Склонение 42
Прилагательное 46
Именные функционально-атрибутивные формы 46
Наречие 47
Именные функционально-обстоятельственные формы 48
Форма на -(y)rak 49
Числительное 49
Местоимение 50
Субстантивные местоимения 50
Определительные местоимения 53
Обстоятельственные местоимения 53
Количественные местоимения 54
Предикативы 54
Именная категория сказуемости 54
Формы изъявительной модальности 55
Субъективная модальность 56
Условная модальность 56
Показатель (i)kän 56
Глагол 56
Залоги 56
Отрицательная форма 58
Глагольная категория сказуемости 58
Наклонения 58
Изъявительное наклонение 58
Повелительное наклонение 63
Желательное наклонение 64
Условное наклонение 65
Условная модальность глагольного сказуемого 65
Сослагательное наклонение 66
Формы, выражающие модальности возможности и невозможности 66
Глагольные функционально-именные формы 67
Глагольные субстантивы (имена действия) 67
Глагольные атрибутивы (причастия) 67
Глагольные субстантивно-атрибутивные формы 69
Обстоятельственные формы глагола (деепричастия) . . . 71
Послелоги 73
Частицы 74
Союзы 74
Синтаксис 75
Общие замечания 75
Именные словосочетания 78
Глагольные словосочетания 80
Предложение 80
Простое предложение 80
Сложное предложение. Придаточные предложения 82
Приложения 84
Образец текста 84
Транскрипция 85
Перевод 85
Словарь и грамматический комментарий 86
Условные сокращения 88
Библиография 90

Виктор Григорьевич Гузев

СТАРООСМАНСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Г. А. Давыдова*
Младший редактор *Н. И. Платонова*
Художник *И. Д. Бритвенко*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 13787

Сдано в набор 15/III 1978 г.
Подписано к печати 9/I 1979 г.
А-02711. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Печ. л. 6,0.
Уч.-изд. л. 5,68. Тираж 1200. Изд. № 3982
Зак. 218. Цена 85 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

БЕСПЛАТНЫЕ УЧЕБНИКИ ВРЕМЕН СССР

БОЛЬШАЯ БИБЛИОТЕКА

НА САЙТЕ

«СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ»

SOVIETIME.RU

СКАЧАТЬ